

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии

Памяти Андрея Анатольевича Зализняка

27 мая — 29 мая 2019 г.

Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
грант № 19-012-20004

СЕКЦИЯ «Грамматические процессы и системы в синхронии»

В. Ю. Апресян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия
valentina.apresjan@gmail.com, vapresyan@hse.ru

Всегда ли плюс противоположен минусу? Об асимметрии между положительно и отрицательно поляризованными единицами в русском языке¹

Отрицательно поляризованным единицам языка (NPIs) посвящена большая лингвистическая литература, в том числе типологическая, и, хотя отмечается высокая степень межъязыковой идиосинкразии, существует некоторое общее понимание того, что представляют собой NPIs и в какого рода контекстах они употребляются, особенно для тех языков, где отсутствует negative concord (двойное отрицание) и, таким образом, существует своего рода языковая потребность в использовании NPI. NPIs, согласно современным

¹ Данное исследование частично финансировано из средств гранта 19-012-00291А, “Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка”, рук. Б.Л. Иомдин.

лингвистическим представлениям, это языковые единицы, которые употребляются только в неверидикативных контекстах и невозможны в веридикативных контекстах. К ним относятся в первую очередь местоимения типа *anything*, идиомы, особенно минимайзеры, типа *He doesn't know the first thing about John* и некоторые наречия (типа *either*); ср. невозможность **He knew anything*, **He knew the first thing about John*, **He came and she came either*. Классическим случаем неверидикативного контекста является отрицание, однако, как показывается в работах (Ladusaw 1979), (Haspelmath 1997), (Giannakidou 2001, 2013) и многих других, существуют и многие другие контексты, лицензирующие NPIs (условие, вопрос, итератив, внутрисловное отрицание и пр.).

Положительно поляризованные единицы языка (PPIs) изучены намного меньше. Известно, что NPI-местоимениям противопоставлены PPI-местоимения типа *something*, которые не употребляются с внутриклаузальным отрицанием (невозможно **He didn't eat something*). Отрицание с PPI, впрочем, может лицензироваться слабым внеклаузальным отрицанием, что отмечал еще Есперсен (Jespersen 1949), мотивируя это эффектом взаимоуничтожения двух отрицаний: *I don't think that he didn't eat something; I regret that he didn't eat something*. Кроме того, отмечается, что наречиям типа *either* противопоставляются наречия типа *too*, с тем же смыслом, однако невозможные в отрицательных контекстах (**He didn't come, and I didn't come too*). Невозможность сочетания с отрицанием отмечается также для "sentence adverbs" и вводных оборотов (Jackendoff 1972, Апресян 1974): **John is, I don't think, a fink*, **Dishonestly, I cannot tell you the answer*; **Осетровые рыбы, не считают знатоки, утратили свой былой вкус*.

Однако, как отмечает (Szabolcsi 2004), помимо неспособности сочетаться с отрицанием, PPIs не отмечены никакими другими общими свойствами, что делает положительную поляризацию слабым кандидатом на самостоятельную категорию языка. В работе (Szabolcsi 2004) на материале английских местоимений типа *something* предлагается способ «спасения» PPIs как лексико-грамматического класса. А именно, предлагается их рассматривать как "double NPIs", т.е. единицы с двумя «вмонтированными» отрицаниями, которые могут активизироваться контекстом – первое отрицание сильное внутриклаузальное (**John did not do something*), второе слабое, внеклаузальное (*I regret that John didn't do something*).

Однако анализ, предлагаемый Сабольчи для английского, оказывается неприменимым к русскому материалу. Неопределенные местоимения, главный объект изучения в качестве NPI или PPI, в русском языке устроены иначе, чем в языках, не имеющих двойного отрицания. Та функция, которая в английском и других языках без negative concord выполняется отрицательно поляризованными местоимениями типа *any*, в русском в основном выполняется отрицательными местоимениями: ср. *I didn't see anything* 'Я ничего не видел'. Хотя в русском есть серия NPI местоимений на *бы то ни было* и *-либо* (ср. Падучева 2011 и другие работы этого автора), область их применения в языке невозможно сравнить с областью местоимений на *any*. Местоимения на *any* в английском почти столь же частотны, как и отрицательные местоимения типа *nothing* (144 ipm для *anything* vs. 165 ipm для *nothing*), в то время как местоимения на *бы то ни было* и *-либо* редки, а также стилистически и семантически отмечены. *Ничто* имеет частотность 365 ipm, в то время как *что-либо* 19 ipm, а *что бы то ни было* – 0.83 ipm. При этом и *-либо*, и *бы то ни было* местоимения имеют сильную семантическую специфику относительно местоимений на *any*, а именно, выражают идею уступительности (Грамматика 1980). Что касается неопределенных местоимений на *-то* и *-нибудь*, то если первые по своим контекстным и семантическим свойствам еще могут рассматриваться в качестве аналога английским PPI местоимениями на *some*, то местоимения на *-нибудь* скорее представляют собой некую смесь NPI и PPI – они не употребляются ни в веридикативных контекстах (**Я вчера видела что-нибудь интересное*), ни в отрицательных (**Я вчера не видела что-нибудь интересное*). Они выражают нереперентность в ирреальных предикациях (Падучева 1985, Haspelmath 1997) и покрывают собой ту семантическую область, которая выражается местоимениями на *any* в

неотрицательных контекстах (*Did anybody come?* и т.п.). Следовательно, попытка применить анализ Сабољчи, сближающий NPI и PPI, на материале русских местоимений не представляется плодотворной.

Однако оказывается, что и в других областях русского языка положительно и отрицательно поляризованные единицы не укладываются в стройные оппозиции. Единственная область, где между ними можно установить некое подобие параллелизма – это идиоматика. Существуют идиомы, в значение которых «вмонтировано» отрицание; в частности, многие минимайзеры отрицательно поляризованы: *ни фигуа (он не помог), ни черта (он не знает), ни бельмеса (не знает), ни на волос, ни в одном глазу, ни на грош, ни в зуб ногой, ни уха ни рыла* и т.п. Кроме того, отрицательная поляризация свойственна многим идиоматическим выражениям со значением нежелания: *не дай Бог, не приведи Бог, не ровен час* и пр. С другой стороны, существуют идиомы, в значение которых «вмонтирована» положительность; таковы, в частности, многие максимайзеры: *(устал) как собака, на удивление (разумный), (продумать) до мелочей, страсть какой (умный), в стельку / в зюзу (пьян)*; кроме того, положительная поляризация свойственна многим идиоматическим оптативам и выражениям нежелания: *дай Бог (каждому), упаси Боже* и пр. Семантическую классификацию отрицательно и положительно поляризованных идиом можно продолжить и, не исключено, что, как и в уже перечисленных случаях, между ними может быть установлена некая антинимическая симметрия. Однако в целом та или иная поляризация у них объясняется не столько семантикой, сколько самой идиоматизированностью: идиомы не допускают варьирования своих компонентов и слабо вступают в семантические взаимодействия с другими единицами, в частности, с отрицанием.

Таким образом, для понимания природы поляризации и соотношения NPI и PPI более полезным представляется изучение неидиоматизированных языковых единиц. Однако оказывается, что в этой области параллелизма между ними, за исключением отдельных случаев, не наблюдается. Интересный случай параллелизма представляют собой антонимичные частицы *даже* и *и то* (вообще, антонимия у частиц развита довольно слабо). *Даже* (см. описание семантики в Апресян 1974, Богуславский 1996) – положительно поляризованная частица со значением ‘Элемент A1 множества A2 имеет свойство A3; можно было ожидать, что у A2 не будет свойства A3’ (*Даже Вася решил задачу*). *И то* – отрицательно поляризованная частица со значением ‘Элемент A1 множества A2 не имеет свойства A3; можно было ожидать, что у A2 не будет свойства A3’ (*Вася и то не решил задачу, но не *Вася и то решил задачу*).

Однако в целом отрицательно и положительно поляризованные единицы встречаются в разных областях языка. В работе (В. Апресян 2017) показывается, что отрицательная поляризация – явление гораздо более распространенное, чем принято считать традиционно, особенно в системе глагола, и что многие переносные значения глаголов приобретают отрицательную поляризацию (*Северные народы не знают этих болезней, Лопата не берет землю, Язык не ворочается* и т.д.).

В той же работе перечисляются основные классы положительно поляризованных единиц и показывается широкая распространенность положительной поляризации. К PPI относятся единицы, состоящие исключительно из модальной рамки, т.е. передающие оценку говорящего (дискурсивные слова *ведь, мол, якобы, -то, же*; вводные обороты *к счастью, чудесным образом, как говорится, известно* и др); слова со значением предела (*крайне, едва, чуть-чуть*), слова со значением высокой степени чего-л. (*потрясающий, чудовищный, громадный* и пр.); слова со значением неопределенного количества (*несколько*). Все они не сочетаются с отрицанием в силу прагматической неинформативности подобных сочетаний.

Однако более внимательный анализ показывает, что невозможность отрицания распространена гораздо шире – вплоть до того, что у некоторых частей речи маркированной и более редкой языковой категорией следует признать *возможность*, а не *невозможность* употребления с отрицанием (речь идет об употреблении в сфере действия неконтрастного предикатного отрицания или отрицания непосредственно при составляющей). Так,

положительная поляризация – исключительно распространенное явление среди русских частиц и качественных прилагательных (а также наречий). Что касается частиц, то в русском языке большая часть частиц невозможна в сфере действия отрицания (*ведь, -то, даже, -ка, же, разве, неужели, именно, вообще* и пр.), поскольку семантически частицы состоят почти исключительно из модальной рамки, т.е. выражают отношение и оценку говорящего. Отмена оценки, принадлежащей собственно говорящему является, по-видимому, разновидностью «иллокутивного самоубийства» по Вендлеру и в языке не встречается. Одним из немногих исключений является частица *только*, для которой возможно употребление в СД отрицания (при этом ее более оценочный синоним *лишь* в сфере действия отрицания невозможен).

Что касается качественных прилагательных и наречий, то у них наблюдается следующее явление: многие прилагательные и наречия входят в синонимический ряд, и при этом, как правило, в синонимическом ряду только доминанта, т.е. слово с наиболее общим значением, обладает способностью находиться в сфере действия отрицания. Синонимы с более узким значением обычно содержат модальную рамку или указание на степень, которые мешают им сочетаться с отрицанием. Ср. ряд *красивый, хорошенький, прекрасный, смазливый, миловидный, прелестный*: только доминанта *красивый* способна сочетаться с неконтрастным отрицанием: *Она некрасивая*, но не *Она *нехорошенькая, *непрекрасная, *несмазливая, *немиловидная, *непрелестная*. Все прочие синонимы содержат слишком значительные оценочные или степенные компоненты, чтобы иметь способность образовывать информативные негативные корреляты. Это особенно заметно на близких синонимах; ср. наречия *зря* и *зазря* (мы во многом опираемся на описание *зря, напрасно* и других слов этого ряда в Левонтина 2004, а также на описание наречия *напрасно* в Зализняк 2004 и на описание наречия *тщетно* в Богуславский 2013). *Зря* – нейтральное слово; оно обозначает недостижение цели, несмотря на усилия. *Зря* свободно сочетается с отрицанием: *Мы не зря туда съездили* (= ‘добились цели’). У его просторечного синонима *зазря* к значению недостижения цели добавляется компонент оценки говорящего: говорящий испытывает личное сожаление по поводу принесенных жертв, а также оценивает жертвы и потери как значительные и при этом бессмысленные; ср. *Зазря их расстреляли; Зазря потратил лучшие годы; Где полегла в сорок третьем пехота / Без толку, зазря* (А. Галич). Из-за наличия оценочных компонентов наречие *зазря* положительно поляризовано: ср. странность [?]*Мы не зазря потратили время*.

Еще один фактор развития РРІ у наречий – это лексикализованные коммуникативные свойства. Известно, что существуют наречия, тяготеющие к тематической позиции; поскольку отрицание рематично, наречия, для которых невозможна позиция в реме, положительно поляризованы. Это также можно проиллюстрировать на примере синонимов; ср. *редко* и *изредка*. Рематичное наречие *редко* свободно сочетается с отрицанием (*Он нередко опаздывал*), в то время как для его синонима *изредка*, который возможен только в реме, сочетание с отрицанием невозможно: **Он не изредка приезжал*.

Итак, в работе выделяются семантические классы слов, которые не сочетаются с отрицанием. Представляется, что это происходит чаще всего в силу прагматических причин, а именно, неинформативности сочетаний с отрицанием. За пределами системы местоимений, в число РРІ входят слова с модальной рамкой, слова со значением высокой степени и некоторые другие; в первую очередь это частицы, прилагательные и наречия. Следует при этом отметить, что количество РРІ в языке очень велико, а в некоторых частеречных классах превосходит собой количество неполяризованных единиц. Кроме того, семантические причины положительной поляризации имеют в большинстве случаев совершенно иную природу, нежели семантические причины отрицательной поляризации. Все сказанное свидетельствует о том, что сближение NPI и РРІ в симметричные языковые категории не подтверждается лингвистическим материалом русского языка.

Я. Э. Ахапкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
yana.akhapkina@gmail.com

Эрратологическая разметка Корпуса учебных текстов: тактические решения

Созданный школой лингвистики ФГН НИУ ВШЭ Корпус учебных текстов включает спонтанные (выполненные в аудитории) и подготовленные (домашние) работы студентов бакалавриата в жанрах ответа на вопрос, аргументированного суждения, эссе, курсовой работы. Студенты, осваивая академический регистр, проходят разные стадии формирования представлений об организации учебно-научного текста. На каждом этапе интерференция стилей и жанров, разнородный характер получаемых речевых образцов и слабая редакторская рефлексия приводят к возникновению неизбежных системных ошибок в сфере грамматики и грамматической стилистики, семантики и прагматики текста. Отклонения от речевого стандарта отражают как стадийность формирования навыка исследовательского письма, так и процессы, характерные для динамики речевой системы в целом, становления новых узуальных норм на осколках норм устаревающих, демонстрируют границы вариативности слово- и формоупотребления. Эти отклонения маркируются системой тэгов, разработанной и оптимизированной командой Корпуса (Н. А. Зевахиной, С. Б. Джакуповой, С. Ю. Пужаевой при активном участии коллег и студентов). Эрратологическая разметка включает лексические, грамматические, дискурсивные пометы. Грамматический блок отражает частотные отклонения от морфологических и синтаксических канонов, связанные с расшатыванием ряда конструкций. Так, отдельную проблему представляет расширение круга легких глаголов (десемантизованных единиц, обслуживающих синтаксические потребности высказывания и делегирующие лексическое значение управляемому слову), выбор падежа управляемого имени, компаративные и интенсифицирующие конструкции, анафорические употребления. Доклад посвящен анализу конкретных примеров, снабженных тэгами, и размышлениям над мотивировкой разметчиков при выборе маркера для фрагмента высказывания.

А.В. Величко

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
all_velichko@mail.ru

Синтаксическая база русского языка в теоретическом курсе «Русский язык как иностранный»

Изучение и описание грамматики русского языка может быть разным в зависимости от того, для чего она исследуется и описывается и кому она предназначена. В сообщении выделяется два типа грамматик: 1) академическая, описательная грамматика для русских, для носителей русского языка и 2) практическая грамматика РКИ для иностранных учащихся, изучающих русский язык как иностранный (РКИ). Далее речь идет о грамматике второго типа.

Практическая грамматика РКИ направлена на обучение владению языком. Ее цель – описание языка как объекта пользования. Она раскрывает технологию порождения речи и адресована неносителям языка, которые хотят научиться говорить на русском языке, общаться на нем.

На филологическом факультете МГУ имеется Отделение РКИ, которое готовит русских студентов по специальности «русский язык как иностранный». Цель данного сообщения – представить концепцию и содержание теоретического курса «Функциональный синтаксис»,

входящего в программу этого Отделения, показать основные принципы представления синтаксической базы русского языка. Речь идет о синтаксисе простого предложения.

Лингвистический механизм организации предложения представляется в грамматике РКИ как сложная иерархически организованная система, отражающая разные уровни формирования предложения.

Первый уровень ставит цель выделить основные типы простого предложения с опорой на положения традиционного синтаксиса и учения о минимальных структурных схемах,

На втором, более конкретном уровне формирования предложения используется понятие расширенной структурной схемы, которое учитывает информативный минимум предложения,

Следующий уровень связан с показом лингвистических механизмов построения распространенных предложений, т.е. предложений, включающих так называемые второстепенные члены предложения.

Четвертый уровень связан с таким синтаксическим явлением, как осложнение структуры простого предложения, когда расширение предложения осуществляется за счет введения осложняющего синтаксического фрагмента, связь которого с основным предложением имеет в первую очередь не столько грамматический, сколько содержательно-информационный характер.

М.Д. Воейкова

ИЛИ РАН – СПбГУ, Санкт-Петербург

maria.voeikova@gmail.com

Особенности употребления вида в сослагательном наклонении

В докладе рассматривается взаимодействие категорий вида и наклонения с точки зрения системного подхода к описанию русской грамматики. Такой подход предполагает, что исследователь представляет языковые феномены как участки целостной системы и разрабатывает аппарат для описания оставшихся участков. В работах А.В. Бондарко этот подход, в частности, представлен как «полисистемный», ср. «...полисистемный анализ в сфере грамматики, в отличие от моносистемного, направлен на изучение единств, охватывающих как однородные, так и разнородные, разноуровневые (морфологические, словообразовательные, синтаксические, лексические) элементы в их многообразных сочетаниях. Цель такого анализа заключается прежде всего в изучении взаимосвязей элементов, которые не могут быть сведены к единому структурному основанию» (Бондарко 2011: 29).

Нас интересуют прежде всего случаи «ненулевого» взаимодействия (Храковский 2012: 542), при котором реализация элементов одной грамматической категории оказывается хотя бы в какой-то степени ограниченной в контексте элементов другой грамматической категории, а также те примеры, когда содержание форм меняется в результате употребления в сочетании с другой категорией. Если принять употребление вида в индикативе за нулевое взаимодействие, то бесспорным случаем взаимодействия ненулевого следует считать многократно описанные дополнительные оттенки значения, которые формы НСВ приобретают в повелительном наклонении.

Д.Н. Шмелев отмечал у форм НСВ в императиве, с одной стороны, черты, присущие НСВ в целом, например, употребление «для обозначения постоянного или повторного действия (мой руки перед едой = всегда)», а с другой стороны, добавочные значения: может значить не «вообще делай», а делай сейчас, скорее», т.е. обозначает побуждение к **немедленному** совершению действия; действие предельно приближено к моменту высказывания, как бы совпадает с ним; действие **само по себе так или иначе уже предполагается** (ожидается или естественно в данной ситуации); побуждение является

только знаком для его начала, или условным вежливым приглашением (Шмелев 1959: 15-16). Кроме этого, он выделяет спорный контекст, в котором «побуждение определяет, КАК должно исполняться действие» (Там же), по нашим данным, реализованный как ф формам НСВ, так и в формах СВ.

В дальнейшем эти наблюдения были многократно уточнены и конкретизированы с разных точек зрения (Падучева 1996; Шатуновский 2004; Храковский 1988, Бенаккио 2010, см. обзор Воейкова 2015). В результате сложилось представление, о том, что НСВ в императиве обладает рядом дополнительных семантических функций, а его использование оказывается «нагруженным», отличающимся от нейтрального. Иными словами, при взаимодействии вида и наклонения в данном случае возникает «асимметрия» употреблений (термин Ю.А. Пупынина (Poupinin 2002: 18)).

Дальнейшая постановка задачи состоит в том, чтобы определить, относится ли взаимодействие вида и сослагательного наклонения к нулевому или ненулевому типу, то есть, реализуется ли при этом взаимодействии сценарий индикатива (нулевой тип, тривиальные соотношения видовых форм), или ненулевой тип (асимметричные отношения).

До сих пор этот вопрос во всей полноте не ставился, хотя отдельные ценные наблюдения делались во многих работах (Парменова 1975; Кулькова 1986; Подлесская 1999; Добрушина 2016; Храковский 2012). Так, В.С. Храковский указывает на деформацию в ирреалисе актуально-длительного значения, «от которого остается только его основная процессная составляющая. Кроме того, сокращается число неосновных частных значений обоих видов, которые могут выражаться в повелительном и сослагательном наклонении» (Храковский 2012: 561). Тем самым подчеркивается асимметрия во взаимодействии вида и наклонения.

Помимо наклонений, для исследования данного вида взаимодействия оказываются релевантными правила употребления вида в инфинитиве при запретах или констатации невозможности (см. об этом Шмелев 2012: 610, Дымарский 2015), в которых также обнаруживается асимметрия: «Если слову *нельзя* подчинен инфинитив СВ, высказывание понимается алетически, а если инфинитив НСВ, — деонтически (ср. [Рассудова 1968: 82; Зализняк, Шмелев 2000: 41—42]). Так, предложение *К окну нельзя подойти* скорее всего будет понято как указывающее на объективную невозможность (например, все подходы чем-то заставлены), а предложение *К окну нельзя подходить* — как сообщение о существующем запрете» (Шмелев 2012: 610). Иными словами, контекст ирреалиса, на первый взгляд, во многих случаях оказывает решающее влияние на интерпретацию видовых форм.

Анализ соотношения видовых форм у глаголов разных семантических групп показывает, что употребление вида в сослагательном наклонении в тривиальных случаях соотносится с изъявительным. Процентное соотношение и интерпретация видовых форм сослагательного наклонения зависит от акционального класса глагола. В нетривиальных случаях формы НСВ могут интерпретироваться как неосуществимые, в то время как формы СВ допускают условия осуществления называемого действия.

Литература

- Бенаккио Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве. – Мюнхен - Берлин, 2010
Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. – Хельсинки, 1994
Бондарко А.В. Категоризация семантики. М., ЯСК, 2011
Воейкова 2015 М.Д. Воейкова Варьирование форм СВ/НСВ в императиве: анализ факторов // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 2015. — Т. XI, — № 1. — С. 539-565 https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XI_1.pdf

- Добрушина Н.Р. 2016. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования семантики. Прага, Animedia company.
- Дымарский М.Я. 2015. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения. ВЯ 5, сс. 26-48.
- Кулькова Р.А. 1986. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., МГУ.
- Падучева Е. В. 1996. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 66–83.
- Парменова Т. В. 1975. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., ЛГПИ им. А.И. Герцена.
- Подлеская В.И. 1999. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация // Тестелец Я.Г., Рахилина Е.В. (ред.) Типология и теория языка: от описания к объяснению (к 60-летию А.Е. Кибрика). М., ЯРК, с. 255-2713
- Пупынин Ю.А. 1992. Системные связи грамматических категорий глагольного предиката в современном русском языке Дис. д.ф.н СПб, 1992.
- Пупынин Ю.А. 1996. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Бондарко А.В. (ред.) Межкатегориальные связи в грамматике СПб., Дмитрий Буланин.
- Храковский В. С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian Linguistics 12, 3, 1988. P. 269–292.
- Храковский. Взаимодействие грамматических категорий глагола. Опыт анализа // Вопросы языкознания 5, 1990. С. 18–36. Храковский 1996 — В. С. Храковский. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // А. В. Бондарко (ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Д. Буланин, 1996. С. 22–42.
- Храковский 2012 — В. С. Храковский. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 539–561
- Шатуновский И. Б. Императив и вид // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 4. М.: Макс Пресс, 2004. С. 253–280.
- Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении // Русский язык в школе 20, 4, 1959. С. 13–17.
- Шмелев А.Д. Модальность, контроль и вид: точки взаимодействия (русское слово *нельзя* в сочетании с инфинитивом) // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Poupynin Yu. A. 2002. The category of voice in connection with other grammatical categories in Russian» GUSLI Working Papers of the Department of Slavic Languages, University of Goeteborg, N 12.
- Poupynin Yu. A. Interaction between Aspect and Voice in Russian. München-Newcastle: LINCOM Studies.

О.И. Глазунова
СПбГУ, Санкт-Петербург
o.i.glazunova@mail.ru

Алгоритмические модели как принцип описания языка и построения речи

Язык относился к сфере познания внутреннего мира человека: его изучение традиционно проходило в изоляции от естественно-научных дисциплин, описывающих законы строения и развития мира внешнего. Однако язык обладает и материальной формой, которая должна подчиняться единым для природы правилам: включать динамику развития событий, существовать на основе образующего цикл алгоритма и создаваться для выполнения определённых задач.

Таким образом, процессы, которые определяют работу сознания, в основе своей опираются на заложенные природой алгоритмы, цель которых – сделать явным то, что в окружающем мире присутствует хотя и в скрытом, но внутренне оправданном и причинно-обусловленном виде.

Алгоритм подразумевает функционально-обусловленное действие, в нашем случае – выбор из имеющихся вариантов, который говорящий делает на основе объективных, поддающихся проверке критериев в процессе построения речи. Если носители языка используют эти данные на бессознательном уровне, то для иностранцев (как и для ЭВМ) такого рода выбор должен соответствовать правилам, которые выстраиваются на основе системных характеристик языка и речи: иерархической структуры, целостности, взаимозависимости частей в составе целого, наличия соответствия между средствами выражения и соответствующим им содержанием, функциональности.

Алгоритмический принцип осуществления структурно-системных преобразований присутствует на всех языковых уровнях как система решающих правил, которые в случае их выявления помогают понять существующие закономерности и природу языковых процессов. (Например, разницу в употреблении предлогов *от*, *из*, *из-за* при выражении причины (остановиться *от* страха (*из* вежливости, *из-за* дождя)), противительных союзов *а* и *но*; форм винительного и родительного падежей в сочетании с глаголами *ждать*, *просить*, *требовать*, *искать*; личных и безличных конструкций (*я хочу* – *мне хочется*) и т.д.)

В рамках данного направления, получившего название функционально-коммуникативной грамматики, ставились следующие задачи: «представить закономерности и алгоритмы построения речи в условиях конкретного дискурса, для чего нужно, с одной стороны, понять динамику языка в синхронии, то есть понять как работает язык в процессе пользования им; что происходит с единицами языка (и каковы они – эти единицы) при речепостроении, какие факторы и как действуют на построение речи, а с другой – знать все нюансы словоизменения и словообразования» (М.В. Всеволодова).

Стремление построить не описательную, а объяснительную грамматику, направленную на решение практических задач, стоящих перед иностранными учащимися, принесло свои результаты. Ошибки в речи иностранцев (например, выбор союза *а* вместо союза *но*, и наоборот) стали для лингвистов маркерами, указывающими на существование правил, обусловленных логикой развития языка. В соответствии с этим проводилась аналитическая работа и выявлялись критерии, позволяющие перевести процесс построения речи на язык алгоритмов, который в дальнейшем мог быть использован в представлении и обработке текстов с помощью ЭВМ.

П.В. Гращенков
ИВ РАН / МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
pavel.gra@gmail.com

Прилагательные в русской именной предикации

В работе ставится проблема синтаксической структуры именной предикации с прилагательными. Наиболее популярным в формально-синтаксической парадигме исследований до определенного времени являлся так называемый атрибутивный анализ. В соответствии с ним, предикативные прилагательные в полной форме представляют собой часть именной группы, остальные элементы которой элидированы. Предлагается ряд свидетельств в пользу такого подхода, равно как и аргументы против него. Результатом работы является вывод о том, что атрибутивный анализ допустим с тем уточнением, что сами предикативные полные формы являются результатом субстантивации. Таким образом, только прилагательное (а не опущенное имя) ответственно за грамматические именные признаки и семантические свойства полных форм в предикативном употреблении.

М. Я. Дымарский
РГПУ им. А. И. Герцена / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
dym2005@list.ru

Лексикализация / грамматикализация, распад подчинения и модульный принцип в синтаксисе

В ряде конструкций «малого синтаксиса» (Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин, И. М. Богуславский) наблюдаются очевидные следы их происхождения из подчинительных конструкций «большого» синтаксиса:

1) *Мне нравится обсуждать замысел доклада как с Петей, так и с Машей* (← *Как захотите, так и будет*);

2) *Лука обещал ночлежникам рай если не на земле, то на небе* (← *Если Лука не обещал ночлежникам рай на земле, то [лишь потому, что] обещал его на небе*);

3) *Он за всю жизнь стрелял из автомата хорошо если три раза* (← *Будет очень хорошо, если вы сразу же обо всем и договоритесь*).

Образование таких конструкций относится к разным периодам. Возникновение союза *как... так и*, квалифицируемого как сочинительный соединительный, относится к концу XVII в., а пик его употребительности, по данным НКРЯ, приходится на первую треть XVIII в.; особенно частотен он в указах Петра I (ср.:

4) *«Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы...»* [[Петр I]. Берг-привилегия (1709)].

Конструкция же *хорошо если* (вне сложноподчиненного предложения), статус которой пока не определен, начинает фиксироваться в НКРЯ только в документах, датированных началом второй трети XX в.

Однако принцип образования таких конструкций представляется общим: с целью компрессии содержания один из предикатов сложноподчиненного предложения опускается, и подчинительное союзное средство оказывается вводящим не клаузу (предикат со всем своим актантно-сирконстантным окружением), а лишь компонент из окружения предиката. В конечном счете подчинительная конструкция распадается, так как вместо двух

предикативных частей остается одна, а средство связи подвергается неизбежному переосмыслению: в (1) исходная идея отождествления остается лишь фоном для перечислительно-соединительной семантики, а композиция из двух соотнесенных местоименных наречий превращается в союз; в (2) от условной семантики, которая и в исходной конструкции выхолощена, не остается ничего, союз *если... то* превращается в сочинительный; в (3) *хорошо* утрачивает семантику качественной оценки, а комплекс *хорошо если* приобретает черты частицы, синонимичной частицам *минимум, максимум* и их эквивалентам типа *по меньшей мере, от силы*.

В докладе будут рассмотрены вопросы об интерпретации названного процесса как лексикализации или грамматикализации, а также о его связи с модульным принципом в синтаксисе.

Анна А. Зализняк
Институт языкознания РАН, Москва
anna.zalizniak@googlemail.com

Загадка полисемии слова *кроме*

В русской лексикографической традиции для предлога *кроме* общепринятым является выделение следующих двух значений:

кроме 1: ‘за исключением’:

(1) **Кроме** Пети, все ученики решили эту задачу.

кроме 2: ‘в добавление’:

(2) **Кроме** Пети, задачу решили Вася и Коля.

В первом случае Петя, **в отличие** от остальных, задачу не решил, во втором – **так же**, как и остальные, задачу решил. Иными словами, если в *кроме 1* Петя **исключается** из множества объектов, обладающих предиктируемым признаком (в обоих случаях – ‘решить задачу’), то в *кроме 2* он не исключается, а наоборот, **включается** в множество объектов, обладающих этим признаком. Т.е. эти значения являются в некотором смысле противоположными. Как всякий случай энантиосемии, данный факт требует объяснения.

В обоих типах употребления *кроме X-а* слово *кроме* вводит границу, отделяющую объект X от других объектов по некоторому признаку. Различие определяется тем, по какому признаку X оказывается выделен и противопоставлен остальным. А именно, *кроме 1* проводит границу между объектами, обладающими и не обладающими обсуждаемым свойством, а в случае *кроме 2* слово *кроме* проводит границу между объектами, про которые **уже известно**, что они обладают упомянутым свойством (*Петя*), и теми, о которых это **сообщается** (*Вася* и *Коля*). Таким образом, содержание семантического сдвига состоит в том, что граница переносится из дескриптивной области в коммуникативную.

В докладе демонстрируется, что конструкция с отрицательным местоимением (*никто кроме X не P*), имея логическую структуру, идентичную конструкции без отрицания (*все кроме X P*), семантически принципиальным образом от нее отлична, и она представляет собой первую ступеньку «семантического моста» (термин И.А.Мельчука), соединяющего значения *кроме 1* и *кроме 2*. Последующие ступени семантической деривации, конечным пунктом которого является значение *кроме 2* (*Кроме Пети, задачу решили Вася и Коля*), представлены вопросительными и гипотетическими контекстами (*Кто-нибудь, кроме Пети решил задачу? Вряд ли кто-нибудь, кроме Пети, решил задачу* и т.д.). Во всех этих типах употребления, включая конструкцию с отрицательным местоимением (*Кроме Пети, никто не решил задачу*), имеется один общий компонент (‘существует один объект, обладающий признаком P’) и второй компонент, представляющий собой различные значения параметра «существование других объектов, обладающих признаком P», расположенные в разных

точках вероятностной шкалы от нуля до единицы. Результирующая энантиосемия слова *кроме* представляет собой, таким образом, отложенный эффект отрицания.

Н. А. Зевахина

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва
natalia.zevakhina@gmail.com

А. С. Вишенкова

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва
annaramon59@gmail.com

Бесказуемостные и сказуемостные восклицания

Доклад посвящен исследованию бесказуемостных и сказуемостных восклицательных конструкций на материале НКРЯ. Анализируются восклицательные конструкции со следующими местоимениями: "до чего", "как", "какой", "каков", "насколько", "сколь", "сколько", "что за". В ходе исследования установлено, что восклицательные конструкции с именными группами преимущественно бесказуемостные (и преимущественно такие именные группы маркированы Именительным падежом), в то время как восклицательные конструкции без именных групп преимущественно сказуемостные. Наиболее частотная разновидность восклицательных конструкций с именными группами, а именно восклицательные конструкции с местоимением "какой", содержит градуальное прилагательное или градуальное существительное. Кроме того, в докладе выделяются собственно и несобственно восклицательные конструкции.

О.Ю. Инькова

Женевский университет, Женева / ИПИ ФИЦ ИУ РАН, Москва
olga.inkova@unige.ch

Система связующих средств русского языка: состав и методы описания

Связующие средства русского языка, как бы их ни называли: союзы, аналоги союзов, скрепы, коннекторы, ..., представляют собой динамическую систему, как в количественном, так и в качественном аспектах. Что касается количественного аспекта, то эта система постоянно пополняется за счет новых языковых единиц, тогда как некоторые единицы, наоборот, исчезают. В качественном аспекте связующие средства русского языка характеризуются высокой степенью формальной вариативности. Кроме того, многие из них состоят более чем из одного графического слова или представляют собой 'разрывные' языковые единицы (*хотя... но, не только... а даже* и др.).

Такая подвижность системы связующих средств вызывает немалые трудности для ее описания, в первую очередь, для определения ее количественного состава. Эта проблема приобретает особую актуальность в связи с разработкой аннотированных корпусов русского языка и систем автоматической обработки и генерации текстов. В рамках корпусных подходов создаются списки связующих средств с целью облегчить их распознавание и разметку, а потому включающие, как правило, только однословные показатели. В докладе будут проанализированы два таких списка: «Полный список служебных фразем» Хельсинского корпуса ХАНКО и «Корпусной словарь однословных лексических единиц» НКРЯ, которые затем будут сопоставлены с наиболее полным «списком» союзов и аналогов союзов, данным в предметном указателе «Русской грамматики» (1980), который

насчитывает 660 единиц. Затем будет представлен когнитивно-дискурсивный метод анализа, при котором единицей описания становится речевая реализация (РР), т.е. та форма, в которой коннектор употреблен в анализируемом фрагменте текста. Именно РР регистрируются в надкорпусной базе данных (НБД) коннекторов, в которой для этих целей разработана система пересекающихся кластеров. Предлагаемый метод позволяет по-новому подойти к описанию системы связующих средств русского языка, судить об их формальном составе и их количестве (в НБД зарегистрировано почти 1300 РР), а также, благодаря статистическим возможностям НБД, о частоте их употребления в тексте.

Л.Л. Иомдин
ИППИ РАН / РГГУ, Москва
iomdin@gmail.com

Русские адвербиальные единицы с точки зрения микросинтаксиса

В докладе с точки зрения теории и практики микросинтаксиса рассматриваются некоторые адвербиальные элементы русского языка, образованные сочетаниями предлогов с существительным. Исследование опирается на материал современных корпусов русского языка (в первую очередь на основной корпус НКРЯ и часть СинТагРус'а, содержащую микросинтаксическую разметку) и будет проиллюстрировано на примере адвербиалов, образованных с помощью существительного *вид*. Это такие адвербиалы, как *в виде, в виду, для вида, из виду, на вид, на виду, под видом, при виде, с виду, ни под каким видом*). Мы сосредоточимся на синтаксических и семантических особенностях таких единиц и представлении их в двух ресурсах – Микросинтаксическом словаре русского языка и в микросинтаксически размеченном корпусе. Будет в частности, показано, что подобные единицы могут принадлежать к разным разрядам адвербиалов и по-разному соотносятся с мотивирующим существительным. Например, *на вид* обычно выступает как приименной атрибут (*Это был модно одетый, на вид тридцатипятилетний человек* – Ф.Искандер), а *на виду* – как приглагольное обстоятельство с собственной валентностью экспериенцера (*Обнимались на виду у всех*).

И.Б. Иткин
Институт востоковедения РАН, Москва
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Новатор Жуковский и архаист Пушкин

С точки зрения особенностей их языка ни Жуковский, ни Пушкин, разумеется, никогда никем не рассматривались как «архаисты». При этом вопрос о том, имеются ли между двумя поэтами сколько-нибудь существенные различия в плане употребления грамматических форм и произносительных вариантов, которые применительно к периоду их творчества можно оценить как устаревшие или устаревающие, как кажется, исследователями

напрямую не ставился. С учетом литературных взаимоотношений Жуковского и Пушкина можно было бы ожидать, что а) такого рода различий почти не будет, б) Жуковский, будучи на 16 лет старше, окажется «чуть архаичнее». Детальный анализ, однако, позволяет обнаружить целый ряд случаев, когда языковые предпочтения Жуковского и Пушкина не совпадают, при этом старший поэт выступает как «новатор», а младший – как «архаист». В докладе будут рассмотрены употребление местоимения *оне* и деепричастных форм типа *войдя ~ вошед*, выбор варианта произношения в тройке *времён ~ времен ~ времени* и некоторые другие примеры.

В.В. Казаковская

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
victory805@mail.ru

Н.К. Онипенко

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва
onipenko_n@mail.ru

Функциональные возможности русских вводно-модальных слов в речи взрослых и детей

Объектом исследования являются функции вводно-модальных слов в системно-языковом (синхрония vs. диахрония) и онтогенетическом аспектах. Условием образования вводных слов признается появление в семантике лексемы эгоцентрической составляющей. В работе используются материалы НКРЯ, а также данные речевого онтогенеза, полученные лонгитюдным и срезовым методами: аудио- и видеозаписи звучащей спонтанной речи – расшифрованный и размеченный в соответствии с CHILDES (<http://childes.psy.cmu.edu>) ранний диалог «взрослый – ребенок» (более 200 часов); записи устной и письменной речи подростков – учащихся 7–11 классов общеобразовательных школ Приволжского округа РФ (около 500 работ).

Системное функционально-грамматическое описание вводных слов соединяет лексическую семантику, морфологию, синтаксис и анализ текста; устанавливает связи между типом модуса и набором языковых средств (лексических и синтаксических), предназначенных для выражения этого модуса [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 279–310], выявляет отношение различных по модусной семантике лексем к категории лица [Онипенко 2013]. Семантика вводных слов интерпретируется двумя терминами – «модальные» и «модусные». Первый термин используется в связи с тем, что часть вводных слов принадлежит к средствам выражения эпистемической модальности. При этом другую часть относят к метатекстовым средствам или к категории эвиденциальности [Падучева 2016]. Замена прилагательного «модальный» прилагательным «модусный» позволяет соединить все средства выражения точки зрения говорящего в один класс слов, что представляется перспективным для современной русистики.

Термин «вводные слова» в его синхронном понимании можно определить как слова, словосочетания (а в широком смысле и предикативные конструкции, в том числе союзные), которые, формально находясь в составе высказывания, не входят в его структуру, не вступают в синтаксические связи с членами этого предложения и выражают 1) отношение говорящего к содержанию и оформлению его высказывания; 2) источник информации, заключенной в высказывании; 3) поддержание контакта с адресатом и 4) место высказывания в линейной последовательности текста. Отличительными признаками

вводных слов являются: 1) невозможность постановки вопроса; 2) возможность изъятия при сохранении синтаксической структуры предложения и его общего пропозиционального смысла; 3) ограничение словоизменительных возможностей слова (идиоматизация); 4) отсутствие закрепленной позиции по отношению к началу и концу предложения; 5) участие в актуальном членении предложения (как правило, в составе ремы); 6) особое интонационное выделение, оформляемое на письме парными пунктуационными знаками (чаще парной запятой); 7) способность взаимодействовать с союзными средствами связи или выступать как средство связи в составе сложного предложения. А.А. Шахматов называл и еще один признак: «формальным их отличием является возможность быть замененными полным предложением» [(1920) 2001: 265].

Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук указывают четыре признака вводных слов (в их терминологии «вводных выражений», для которых они используют символ Advввод): «1) с семантической точки зрения, сфера действия оборота Advввод включает все высказывание; 2) с коммуникативной точки зрения, смысл, который выражен посредством Advввод, представляет собой информацию второго плана; 3) с точки зрения линейной организации высказывания, Advввод может занимать любую позицию в предложении; 4) с просодической точки зрения, Advввод имеет специальную интонацию и может отделяться от остальной части предложения паузами» [2007: 372].

В русской синтаксической традиции вводные слова принято рассматривать в связи с предикативными единицами. Так, Д.Н. Овсянико-Куликовский считал, что вводные слова — это неполные предложения: вводные слова составляют «как бы часть неоконченного, недоговоренного предложения, или, наоборот, ... результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть» [1912: 297]. Ту же точку зрения отстаивал А.А. Шахматов [2001: 265]. В.В. Виноградов указал два направления образования класса вводных слов: «Многие из модальных слов, действительно, произошли из вставных предложений. На многих из них еще и теперь лежит отпечаток этого их происхождения. Но многие из модальных слов и частиц возникли и другим путем, например из наречий. Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию» [(1947) 2000: 598]. Для русских лексем с модусной семантикой возможны разные синтаксические позиции. Модусные лексеммы могут быть частью сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным (рамочная позиция), входить в состав сказуемого или занимать позиции других членов предложения (внутрисинтаксическая позиция), быть вводным словом (парентетическая, внешнесинтаксическая позиция), выступать в качестве ответной реплики (диалогическая позиция). В грамматических описаниях истории русского литературного языка XIX в. было отмечено параллельное употребление «модальных» лексем во вводной позиции и в сложноподчиненном предложении [Очерки... 1964]. Периодом активного формирования в русском языке вводно-модальных слов как особого лексико-грамматического разряда называют XVIII–XIX вв. За два с лишним века произошла «специализация» модусных лексем: одни из них закрепились во вводной позиции и – как следствие – в позиции ответной реплики (*по-видимому, наверное, конечно*), другие – сохранили возможность употребления в рамочной и внутрисинтаксической позициях (*очевидно, вероятно, кажется, разумеется*) (см. также об этом [Кузнецова 2017]).

Материалы НКРЯ позволили проследить динамику в соотношении вводных слов и рамочных союзных конструкций. По данным основного корпуса НКРЯ в период с 1800 по 1870 гг. для *очевидно* соотношение рамочной (перед союзом *что*) и вводной позиций составляет 1:2. В период с 1900 по 1970 гг. количество употреблений слова *очевидно* во вводной позиции значительно увеличивается, и соотношение вхождений по каждой из этих позиций становится 1:5 в пользу вводности. Изменяется также соотношение вводной и внутрисинтаксической позиций для отыменных модальных слов – оно изменяется в пользу вводности. При этом и в XXI в. для многих лексем сохраняется выбор позиции: он зависит

от точки зрения говорящего (субъектной перспективы текста), что непосредственно связано с принадлежностью текста к определенному стилю и жанру.

Второй аспект исследования – онтолингвистический. Анализ спонтанного диалога взрослых с маленькими детьми позволил определить время появления вводно-модальных слов в детской речи, выявить начальный репертуар, оценить частотность использования и описать функции, с которыми они используются обоими партнерами (см., в частности, [Казаковская 2016]). Диалогическая ситуация, в которой осуществляется начальное усвоение языка и происходит категоризация эпистемической семантики, «провоцирует» появление редуцированных маркеров модуса, свойственных диалогу. Ими являются ментальные модусные рамки в варианте эгоцентрических вводно-модальных слов. Исследование показало существенное влияние так наз. модального инпута – речи взрослого, обращенной к ребенку и содержащей соответствующие маркеры (равно как модусные вопросы [Казаковская 2019: 252 – 268]), – на формирование состава и функций вводно-модальных слов. Такими функциями являются их первичные – собственно эпистемические – функции, а именно выражение уверенности / неуверенности в сообщаемом. Вторичные функции, связанные с нейтрализацией основного значения в пользу подчеркивания той или иной ипостаси говорящего, начинают развиваться позже, к 4–5 годам [Там же: 159–165]. При этом во всех доступных нам русских лонгитюдных корпусах данных, как и в ряде разноструктурных языков [Kazakovskaya, Argus, Uziel-Karl 2018], эпистемическое маркирование начиналось с экспликации неуверенности (*наверно(е), может (быть), по-моему*).

Привлечение к исследованию школьных текстов позволяет в максимальной степени отойти от фактора прямого влияния инпута на использование/неиспользование того или иного вводно-модального средства, а также оценить оправданность (и в известном смысле осознанность) его выбора [Казаковская, Гаврилова 2019]. Пилотный анализ устных и письменных нарративов старших школьников, показал, что подавляющее большинство информантов употребляет вводно-модальные слова, однако с разной степенью частотности. Вместе с тем были отмечены а) функциональная оправданность их использования при создании рассуждений, повествований и описаний, а также б) обусловленность их появления не только стилем и жанром создаваемого текста, но и ментальным статусом говорящего / пишущего, а также полнотой / неполнотой его знаний в отношении оцениваемой и/или излагаемой ситуации. В частности, при порождении текста-рассуждения старшеклассники использовали маркеры неуверенности (*вероятно, возможно, казалось бы*) при формировании суждений (и тем самым экспликации собственной точки зрения) о действиях героя повествования (третьего лица) в ситуации нравственного выбора, возникшего в результате этической ошибки. При этом меньшая категоричность суждений коррелировала с принятой мерой этичности их выражения. В свою очередь, употребление маркеров уверенности (*действительно, на самом деле, конечно, несомненно, безусловно, разумеется*) происходило в случае солидаризации с мнением автора рассматриваемого в сочинении литературного произведения. Рамочные союзные конструкции *Я думаю/считаю, (что)...* были весьма частотны в письменной речи старшеклассников и свойственны, главным образом, сочинениям-рассуждениям.

Можно предположить, что изменение когнитивного статуса (большая когнитивная зрелость) 11-классников, позволяющее им лучше чувствовать позицию автора (и таким образом учитывать точку зрения Другого), увеличивает частотность использования вводно-модальных слов с семантикой уверенности (более поздних и менее употребительных в раннем онтогенезе). На разнообразие эпистемического репертуара подростков способны влиять гуманитарный склад личности и уровень развития коммуникативной компетенции. Повторяемость заданий и многократность создания текста одного стиля и жанра приводят к обеднению репертуара и «шаблонизации» в употреблении вводно-модальных слов тинейджерами, что неминуемо сказывается на их письменном творчестве.

Представленные в докладе наблюдения и обобщения убеждают в перспективности соединения системно-грамматического и онтолингвистического подходов при описании столь сложных лексико-грамматических объектов, которыми являются вводные слова.

- Виноградов В.В. (1947) 2000. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. 2004. Коммуникативная грамматика русского языка. М.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. 2007. Смысл и сочетаемость в словаре. М.
- Казаковская В.В. 2016. Эпистемическая модальность в русской детской речи // Грамматические процессы в синхронии и диахронии. Труды ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова. Вып. 10.
- Казаковская В.В. 2019. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый – ребенок»: Психолингвистический аспект. М.
- Казаковская В.В., Гаврилова М.В. 2019. Вводность и тинейджер (к проблеме точки зрения) // Проблемы онтолингвистики – 2019. СПб. (в печати).
- Кузнецова С.М. 2017. Системно-синтаксическое описание отадъективных модусных транспозитивов на –о. АКД. М.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. 1912. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. СПб.
- Онипенко Н.К. 2013. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. М.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964. Т. 5. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. М.
- Падучева Е.В. 2016. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Шахматов А.А. (1920) 2001. Синтаксис русского языка. М.
- Kazakovskaya V., Argus R., Uziel-Kar IS. 2018. The Early Expression of (Un)certainly in Typologically Different Languages: Evidence from Russian, Estonian and Hebrew // *Philologia Estonica*, 3. <https://doi.org/10.22601/PET.2018.03.04>

Александр Киклевич

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

akiklewicz@gmail.com

О синтаксическом статусе указательного местоимения *это* в позиции связки

Предметом выступления являются русские связочные предложения с указательным местоимением *это* в позиции вершинного предиката. Относительно этих предложений в русской (и вообще славянской, а также европейской) синтаксической науке господствует единая точка зрения: *это* трактуется как копула. В «Русской грамматике» оно рассматривается в ряду других связок: *есть, это есть, это и есть, и есть, вот, то же самое что, это то же самое что, не что иное как, не кто иной как* и др. Анализ языкового материала с позиций функциональной грамматики дает, однако, основание усомниться в правильности этого общепринятого толкования. Автор приводит аргументы в пользу альтернативного толкования местоимения *это* — как формы дубликации подлежащего, при незаполненной позиции вершинного предиката. Прагматическим основанием конструкций этого типа является эмфатическое выделение подлежащего в речи.

Ю.П. Князев
СПбГУ, Санкт-Петербург
knjazevjurij@yandex.ru

Русский безличный пассив как вариант комбинации безличности и пассива

1. Безличность. Семантической основой безличности является различие глаголов, обозначающих контролируемые целенаправленные действия с субъектом-лицом («говорить», «обещать», «искать», «вспоминать», «понимать», «наказывать», «подозревать», «читать» и т. п.), и глаголов с неличным субъектом («тухнуть», «кипеть», «таять», «разрастись», «пригореть», «ржаветь», «зеленеть», «мерцать», «обезлюдеть» и т. п.). Безличность может проявляться и в синтаксическом противопоставлении безличных конструкций личным. В зависимости от способа выражения категории лица в том или ином языке, безличные конструкции в формальном отношении характеризуются тем, что подлежащее в них либо отсутствует [«Светает»; «Было холодно»; лат. *Pluit* ‘Идет дождь’ (букв. – Дождит)], либо выражено эксплетивным («пустым») местоимением 3-го лица ед. числа (англ. *dummy pronoun*), которое не указывает на к.-либо объект действительности и не замещает его названия в тексте [англ. *It rains*, нем. *Es regnet*, франц. *Il pleut* ‘Идет дождь’ (букв. – Оно дождит)].

Безличные конструкции употребляются в трех основных семантических зонах, общая черта которых – независимость ситуации или состояния от чьей-либо воли (неагентивность): явления природы и окружающей среды («Уже теплеет»; англ. *It snowed yesterday* ‘Вчера шел снег’); ощущения и внутренние состояния человека и др. живых существ [«Его тошнит»; лат. *Me pudet* ‘Мне стыдно’ (букв. – Меня стыдит); нем. *Es fiebert mich* ‘Меня лихорадит’]; модальные значения необходимости, возможности и др. («Надо уходить»; лат. *Mihi licet* ‘Мне можно’, франц. *Il faut travailler* ‘Нужно работать’).

При этом ограничений на переходность глагола, по-видимому, нет: *Лёг на правый бок, и в носу правую ноздрю заложил, а потом повернулся на левый бок — правую ноздрю отпустило, а левую заложил* (Е. Гришковец); *Её сильно ударило бидоном по спине и прижало в какой-то угол* (Ю. О. Домбровский).

Помимо этого, во многих языках представлены и различные синтаксически безличные конструкции, в которых используется гораздо более широкий круг глаголов.

Для слав. языков характерны модально окрашенные безлично-возвратные конструкции типа «Мне не спится», которые в рус. языке выражают наличие каких-то препятствий к реализации желаемого или необходимого: ‘хочу, но не могу’, ‘не хочу, но должен’ и т. п. («Работать нужно, но не работается, и все, что я пишу, выходит плохо», А. П. Чехов; «Мне страшно, мне не пляшется, но не плясать нельзя», Е. П. Евтушенко), а в южнослав. языках – предрасположенность или (при наличии отрицания) непредрасположенность к выполнению соответствующего действия [болг. «Спи ми се» ‘Мне хочется спать’ (букв. – Мне спится); макед. «Не им се пушеше» ‘Им не хотелось курить’ (букв. – Им не курилось), сербохорв. «Једе ми се сладолед» ‘Мне хочется поест’ (букв. – естся) мороженого’].

Особую разновидность безличных конструкций, отклоняющихся от семантич. прототипа безличности, составляют предложения со значением наличия, отсутствия, возникновения ситуации без выделения к.-либо её сторон в качестве исходного пункта. Иначе говоря, происходит понижение коммуникативного или референциального статуса подразумеваемого исходного подлежащего [«Ответа не пришло»; «Похолодания не чувствовалось»; нем. «*Es ritten drei Reiter zum Thore hinaus*» ‘Из ворот выехали (букв. – выехало) три всадника’ (народная песня); франц. «*Il pleure dans mon cœur Comme*

il pleut sur la ville» «Плач (букв. – плачет) в моем сердце, Как дождь (букв. – дождит) в городе», П. Верлен].

2. Пассив. Выделение категории залога в русском языке опирается на возможность использовать при обозначении одной и той же ситуации две конструкции: *Президент подписал программу* и *Программа подписана президентом*. Первая из них – это конструкция с глагольной формой действительного залога (актива), а вторая – конструкция с формой страдательного залога (пассива). Активные и пассивные конструкции отличаются друг от друга прежде всего синтаксически: реальный производитель действия (а́генс), обозначенный в первом предложении подлежащим, во втором предложении обозначается косвенным дополнением в творительном падеже (его называют агентивным дополнением), а объект действия (па́циенс), выразившийся в первом предложении прямым дополнением (*программа*), во втором предложении становится подлежащим. Перераспределение синтаксических ролей влечет за собой и изменение точки зрения на ситуацию. В первом предложении в центре внимания находятся действия президента, а во втором – то, что программа вступила в силу.

Таким образом, для пассива характерны два встречных синтаксических преобразования: продвижение (promotion) прямого дополнения в позицию подлежащего и обратное ему понижение (demotion) статуса исходного подлежащего.

3. Безличный пассив. К безличному пассиву можно отнести конструкции, в которых перераспределение ролей выполняется как бы «наполовину»: субъект уходит с позиции подлежащего, но эта позиция не замещается объектом в силу особенностей его оформления или невыраженности: глагол приобретает пассивную форму, но ничто не продвигается в позицию подлежащего.

В литературном русском языке можно выделить три основных разновидности таких конструкций.

а) Конструкции, в которых дополнение выражено косвенными падежами; в безличном пассиве оно сохраняет свою форму: *Правды, только правды просила больная у своего врача, и в этой правде ей было откано* (И. Грекова); *С математикой было покончено. Эта наука не для него* (Д. А. Гранин); *Возможно, что об этом говорило сь не раз, поскольку я запомнила не только факты, но и оценки* (Р. М. Фрумкина); *И она стала торопливо глотать рюмку за рюжкой, и осмелела, начала вмешиваться в разговоры, а тут напился Габричевский и принялся ухаживать за ней – так резво, как ухаживается только за «ничьей женой»* (К. И. Чуковский); *У неё пять кукол. На каждую заведено по дневнику и по пять тетрадей* (В. Н. Крупин); *С назначением соответствующей процедуры для полицейского законопроекта уже опоздано, а для образовательного – кажется, нет* (Эксперт, 18.10.2010); ..

б) Другой распространенный вариант – «встроенность» («инкорпорирование») представления об объекте в значение глагола; ср. *натоптать* ‘оставить следы от грязной обуви’; *наследить* ‘оставить следы’, *ответить* ‘дать ответ’, *накурить* ‘наполнить помещение дымом’, *телеграфировать* ‘дать телеграмму’, *Худенький, болезненный лакей-коридорный, виновато опустив глаза, объяснял, что завтра покойницу заберут, родственникам телеграфировано* (М. Рощин); *А ты в психушке был? – спрошено было на всякий случай* (А. Минчин); – *Свистнута, не спорю, – снисходительно заметил Коровьев, – действительно свистнута, но, если говорить беспристрастно, свистнута очень средне!* (М. Булгаков); *Стало быть, все проблемы решены, на все вопросы отвечено* (В. Капустина); *Стоит куст. С него кора содрана. Под кустом натоптано, на слежено. Следы заячи* (В. В. Бианки).

Аналогичную роль играет неназванность объекта при его непосредственном присутствии в ситуации или самоочевидности; ср. объявления типа: *Осторожно, окрашено*; *Закрыто на 10 минут*, а также: *Роспотребсоюз, Краснодарский край должны «Истоку» сотни миллионов. Так что за товары еще не получено, а налоги за них*

уже отданы (Известия, 23.10.1992); *Что-то непомерно сильное не позволяло ему окончить разговор, хотя **наговорено** и **выслушано** было достаточно* (Ю. Домбровский).

в) Встречаются и характерные для северо-западных говоров конструкции с глаголами несовершенного вида и лелимитативными глаголами совершенного вида: *Пошли вдоль забора по не очень ясной тропинке – **хожено** тут было мало* (Ю. В. Трифонов); *Десять ступенек, где **лежено**, **ползано**, **вставано**, **шагано**, **бегано**, **прыгано*** (О. Фокина); *Впервые предоставленные самим себе, без материнской опеки, мужчины «ударилась в разгул». Сколько было **съедено** чебуреков, персиков, мороженого! Сколько раз было **схожено** в кино, **езжено** на катере! Естественно, они **порастратились*** (И. Грекова); *А диван, огромный, подаренный мне женою в день рождения, зеленый. С дивана сорван верх (как живая кожа с человека), подушки изрезаны ножами, торчит грудa соломы, – и я вспоминаю, сколько на нем **спано**, **думано**, **стонато**, **сижено*** (К. И. Чуковский – о своих впечатлениях при возвращении в свой дом в Куоккале в январе 1925 года); *Про Воришу я мог бы рассказывать без конца: мало ли был **рыболовных приключений**, <...> мало ли было **похожено** по ее берегам* (В. Солоухин); *Наступило лето. Вся кафедра знала, что дочка Дольского поступает в институт. Со всеми было **переговорено**, **выпито** коньяку, **похлопано** по плечу, **пошучено**, **попрошено**. И все-таки он волновался, особенно за сочинение* (И. Муравьева).

Подразумеваемым субъектом в таких конструкциях, как правило, является человек или, по крайней мере, одушевленное существо. Это универсальная тенденция, характерная не только для русского, но и для других европейских языков. Наиболее известным объяснением этого ограничения является деление непереходных глаголов на две группы: те, у которых позицию подлежащего занимает агенс, допускающий понижение своего грамматического статуса путем пассивизации (unergative verbs), и те, у которых эту позицию занимает пациенс (unaccusative verbs), а понижение грамматического статуса пациенса формами пассива для европейских языков не характерно.

Вместе с тем в современной русской художественной литературе встречаются примеры форм безличного пассива для обозначения ситуаций, вызванных воздействием стихийных сил: *У Любви Ивановны родители живут за городом, в Котуаре, там свой дом, сад, лес рядом, снегу **навалено*** (М. Рощин) – *снегу навалило*.

И. М. Кобозева

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

kobozeva@list.ru

Калейдоскоп составных союзов непосредственного предшествования в русском языке: пока не признанные, но уже функционирующие союзы

В докладе на примере одной синонимической группы русских союзов рассматриваются механизмы образования составных единиц этой группы, обеспечивающие наличие большого количества показателей связи с одним и тем же значением, одни из которых со временем устаревают и уступают место другим. Речь идет о союзе *как только* и его синонимах, которые в отечественной грамматической традиции обычно характеризуются как имеющие значение «непосредственного следования», а в корпусной грамматике называются союзами «непосредственного предшествования» (НП). Последнее решение больше соответствует общему принципу номинации подчинительных союзов: имя союза производится от имени того члена выражаемого союзом семантического отношения, который представлен придаточной частью СП. Несомненно, придаточное в СП с союзами, синонимичными *как только*, описывает ситуацию, которая предшествует ситуации в главной части СП, а не следует за ней.

В [РГ-80] к рассматриваемой группе относят: 1) союзные частицы *только, лишь, едва, чуть*; 2) составные союзы, представленные разнообразными сочетаниями указанных частиц (*лишь только, едва лишь, едва лишь только* и др.), а также устойчивыми сочетаниями *только* с союзами *как* и *что* — *как только* и *только что*; 3) двухместные союзы, представленные комбинацией вышеуказанных союзных частиц или составных союзов в придаточной части с «коррелятом» *так* или *то* или с одним из союзов (*как, и, а*) в главной части.

В центре нашего внимания будут союзы, которые пока не освящены авторитетом академической грамматики, не замечены корпусными грамматистами, но уже достаточно давно являются реальностью современного русского языка: *сразу как (только), тотчас как (только)*. Мы приведем синтаксические, просодические и семантические аргументы в пользу того, что элемент *сразу* в указанных сочетаниях – это не наречие *сразу*, часто выступающее в функции так называемого «конкретизатора» в главной части сложных предложений с союзами КП, а интегральная часть составного союза, возникшего в результате грамматикализации наречия. Составные союзы НП с грамматикализированным темпоральным наречием уже существовали в русском языке (см. устаревший союз *как скоро*, упоминаемый как таковой в РГ-80). Показательно также то, что наречия со значениями ‘сразу’ и ‘скоро’ входят в состав союзов НП в других языках, что объясняется тождеством пропозициональной семантики СПП с союзами НП и ССП типа Р, и *сразу / скоро* (т.е. с нулевым / малым интервалом после Р) Q.

С.А. Крылов

Институт востоковедения РАН, Москва
krylov-58@mail.ru

Специфика грамматической концепции А.А. Зализняка

В своих грамматических работах А.А. Зализняк неукоснительно следует принципам 1) доказательности (то есть, выводы исследования должны быть аргументированы), 2) полноты описания и 3) эксплицитности, логической непротиворечивости и строгости описания.

Как аргументация исследования, так и эксплицитность описания у А. А. Зализняка предполагают использование «формального» (эксплицитного и однозначного) концептуально-терминологического аппарата, соответствующего идеалам логического позитивизма: то есть здесь в явном виде задаётся набор исходных понятий, а все промежуточные понятия последовательно определяются через более простые (а в конечном виде – через исходные).

Полнота описания бывает двух типов:

во-первых («слабый» вариант – I степень полноты): грамматические правила должны охватить весь тот лексический материал, который содержится в некотором заранее заданном эксплицитно словаре (точнее, словнике этого словаря) (таковы «Русско-французский словарь» 1961, «Русское именное словоизменение» 1967 и «Грамматический словарь» 1977); а позднее, в 1980-е годы, методологический десидератум взаимной согласованности грамматики и словаря, экстраполированный на сферу семантики в трудах Московской семантической школы (И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна), получил название принципа «интегрального описания языка»;

и, во-вторых, («сильный» вариант – II степень полноты): описание языковой системы (включающее «грамматику + словарь») должно охватывать весь тот речевой материал (то есть весь объём тех словоформ и предложений), который содержится в некотором заранее заданном корпусе текстов (таков «Древненовгородский диалект» 1995 и 2004 годов).

В описательной грамматике (как русской, так и санскритской) А. А. Зализняк в основном следует традиции Московской фортунаговской школы — это и приоритет формального (синтаксического) над семантическим при определении состава грамматических категорий и количества входящих в них грамем (Ф. Ф. Фортунатов, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсон, а позднее Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. И. Смирницкий), и принцип обязательности грамматических категорий (Р. О. Якобсон), и использование конструкторов синхронного описания, отражающих восстанавливаемые единицы прошлого синхронного состояния (Р. Якобсон).

Из трёх известных подходов («словесно-парадигматического», «элементно-операционного» и «элементно-комбинаторного») к описанию морфологии А. А. Зализняку, был ближе всего первый — то есть «словесно-парадигматический» («от лексемы к её парадигме»), но при этом усовершенствованный, то есть обогащённый сочетанием с «элементно-операционным подходом» (в той мере, в какой он включает технику описания звуковых чередований), что в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что те языки, которые были главным предметом его внимания (русский и санскрит) характеризуются высокой степенью флективности и фузионности.

Ю. М. Кувшинская

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва
ykuvshinskaya@hse.ru

Более половины, около трети, выше ста: предикативное согласование с квантитативными наречными и предложными группами со значением приблизительности в современном русском языке

В работе рассматривается согласование сказуемого с подлежащим, выраженным квантитативным сочетанием, возглавляемым предложом или наречием со значением приблизительного количества (*более, менее, около, выше*) и включающим кванторное существительное (*половина, часть*) или числительное. В докладе на базе Национального корпуса русского языка описываются современные узуальные нормы и актуальные тенденции в выборе стратегии предикативного согласования. Анализ показывает, что сказуемое более вероятно ставится в единственном числе при согласовании с предложной или наречной группой, включающей числительное, и во множественном числе при согласовании с предложной или наречной группой, включающей существительные *половина* или *треть*. В работе предлагается объяснение причин различий в согласовании с квантитативными сочетаниями одинаковой структуры.

Г.И. Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
galinak03@gmail.com

Стратегии кодирования неагентивного субъекта

В докладе рассматриваются две стратегии кодирования субъекта — посессивной группой *У + Род.* и дативом. Специальное внимание уделяется корреляциям между способом кодирования субъекта и способом выражения предиката, ср. конструкции с внешним посессором (*Он тебе пуговицу оторвал – У тебя пуговица оторвана – *Тебе пуговица оторвана*); пассивные конструкции, где (бывший) агент представлен как обладатель результата своей деятельности (*У меня экзамены сданы*); конструкции с посессивным

кодированием субъекта не полностью контролируемой ситуации (*У меня мотор не заводится*). Ср. также: *Почему у тебя форточка открыта vs. ?Почему у тебя форточка открылась?* ; *Вам назначены процедуры vs. У вас назначены процедуры*.

Е.М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

lazutkelena@yandex.ru

Синтагматический класс глаголов: определение и исчисление

Ключевые слова: *связь слов в предложении, модели предложения, синтаксическая позиция, подведение под категорию, моделирование как метод исследования,*

1. При исследовании проблем синтаксической сочетаемости правомерно ставить вопрос о законах использования языка в соответствии с тем, в каком виде существует языковая система в человеческой памяти, как служит эта система в качестве средства общения, какова система *потенциальных речевых образований*. Синтаксис – зона образования смысла, и коммуникативные образцы существуют в системе как модели предложений, которые следует рассматривать как *способ* обозначения говорящими на данном языке ментального конструкта реальной ситуации.

Синтагматический класс глаголов – это категориальное объединение слов, имеющих общие синтаксические свойства, которые предопределяют парадигматические связи предложений с этими глаголами. Синтагматический класс глаголов-предикатов может быть исчислен по описанию семантики моделей предложения *с одним и тем же сигнификативным ядром*, которое позволяет обнаружить этот квант значения у максимально большого количества деривационно связанных предложений [Лазуткина 1995]. Конкретные глаголы, подчиняясь общему плану отражения события как правилу синтагматического развертывания предложения (в соответствии с ракурсами представления) вносят свои «поправки» в зависимости от активности субъекта действия и специфики самого действия-события, а также дейктических координат речевых образцов.

В докладе будет показано применение метода моделирования для обнаружения трёх синтагматических классов глаголов - 1) событийных глаголов локально направленного действия; 2) глаголов движения-перемещения и 3) акциональных глаголов с экзистенциальным компонентом значения. Будут рассмотрены модели предложений и их модификации с глаголами этих синтагматических классов.

Для обоснования применения метода моделирования берем за основу теорию Л.В. Щербы активного синтаксиса, который предполагает исходным элементом анализа мыслительное содержание. В связи с этим Л.В. Щерба пишет о возможности «идеологической грамматики» [Щерба 1974: 48-56]. Л.В. Щерба называл категориальные значения «группами однообразия в языке, под которые подводятся единичные явления» [Щерба 1957: 12]. Поиск концептов, грамматических категорий лежит через эксперимент, при котором начальным и конечным пунктом является реальный языковой материал, а промежуточными этапами исследования являются выдвижение "предположения", "постулирование правила", построение "отвлеченной системы" [Щерба 1974: 31-35]. Л.В. Щерба подчеркивал трудность техники лингвистического эксперимента, ее неразработанность.

Гипотетико-дедуктивный метод в языкознании, восходящий к методу эксперимента Л.В. Щербы, описывается в работах Ю.С. Степанова и О.Н. Селиверстовой. Этот метод разбивает процедуру исследования на следующие основные этапы: "1) сбор фактов и их индуктивное обобщение, 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и

уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями, 3) выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории, 4) проверка теории путем сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами" [Степанов 1974: 118; Селиверстова 1976: 133 -143].

Алгоритм исследования предполагает в качестве обязательного начального этапа работы индуктивный сбор фактов. Замысел говорящего, его оценка денотата играют конструктивную роль в линейной организации высказывания и обуславливают семантику синтаксической схемы предложения – этого исторически сложившегося в языке типизированного речевого образца, «кода говорящих», делающего высказывание понятным для всех носителей языка. Выбор говорящими средств, выражающих оценки, зависит от возможностей и «предпочтений» уже сложившейся системы языка [Демьянков 2000: 104].

В теории синтаксиса оценка коллективного говорящего имеет разные названия. Наиболее распространенное – *синтаксическое лицо*, или *синтаксический субъект*. Эта метаязыковая категория существует как категория лингвистической прагматики и соотносится с понятием субъекта в современной эпистемологии и в философии Л.Витгенштейна, который трактовал «субъект как этическую установку, которая задает границу и структуру видения мира и действия в нем».

2. Попытки объединения лексем в категориальные разряды и выявление парадигматических соответствий в этих разрядах стало обычными операциями в описании единиц лексического уровня языка, однако в изучении синтаксических единиц как системных способов организации знаний преобладает атомарный подход, который замыкает исследователя в рамках изучения семантики отдельных форм и не дает возможности обнаружить концептуальное содержание в той иной синтаксической конструкции. Ср., например, описание семантики отдельных падежей без определения роли словоформ в строго определенных моделях предложений или безличных предложений без обращения к лексической семантике именных словоформ, к семантической классификации предикатов, их организующих, вне всей синтаксической парадигмы, в которой безличные конструкции занимают свое место.

Исследовательские неудачи отчасти обусловлены мнением о прототипичности грамматических структур [Болдырев 107: 102-103], о прямой их обусловленности денотатом (см. анализ О.Н. Селиверстовой ошибок в работах американских когнитивистов [Селиверстова 2002]). Однако грамматика – это часть содержания как отдельного высказывания, так и дискурса [Степанов 2011: 175], и все грамматические структуры обязательно обладают большей или меньшей степенью «сигнификативности». Не учитывается в работах по глагольной синтагматике и тот факт, что смысловая структура предложения имеет разноуровневую организацию.

Обнаружение категории – это экспериментальная работа. Реконструкция базовой когнитивной категории, или концепта («реконструкция» - термин В.З.Демьянкова) [Демьянков 2007: 27], сродни этимологическому анализу. Не случайно отечественные лингвисты XIX и начала XX века считали объяснение роли той или иной грамматической формы этимологией, поскольку при этом следует учитывать, что при категоризации объект «пропускается через фильтры» понятийных категорий, онтологически присущих мышлению человек.

Следует учитывать опыт исследования классов языковых единиц, методы подведения под категорию, которые приняты в исследованиях лексических элементов. Эти методы и приемы должны применяться и при анализе грамматических единиц разного уровня. Теориями, представляющими собой не только поиск метаязыка лингвистических исследований, но и языковой данности, можно считать теорию «фамильных сходств» Л.Витгенштейна и теорию полевых структур.

3. Единицы анализа – схема предложения и синтаксическая позиция. Алгоритм построения методологического конструкта «синтагматический класс» таков. Предложение является когнитивным фреймом, т.е. онтологически обусловленным феноменом [Арутюнова

1976]. Каждое предложение является только одним из вариантов мыслительного представления того или иного события (факта), т.е. каждое предложение своим сигнификативным значением показывает одну возможность представления реальности. Это способ обозначения ментального конструкта реальной ситуации говорящих на данном языке, Синтаксическая конструкция, прежде всего, анализируется как интерпретативная структура, как «прием оперирования» говорящих (носителей языка) знаниями в речи.

Так, Н.Д. Арутюнова считает, что бытийные предложения должны рассматриваться не в терминах подлежащно-сказуемого анализа, не соответствующего их логико-семантической организации, а в терминах семантических составляющих. Контуры мыслительного конструкта «бытийность» - это *область бытования* (место), *показатель существования* (глагол), *бытующий предмет*.

Мыслительный конструкт «локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата объекта (заполнения, проникновения и т.п.)» подчеркивает главные черты сигнификативного ядра предложений и содержит следующие элементы: *действие-событие, производитель действия, место локализации, локализуемая или локализуемая субстанция*. Глагольная лексема обязательно имеет событийное значение, обозначает локализацию, содержит синтаксически значимую архисему «полнота охвата».

На основе диатезных корреляций глаголы можно объединить в один синтагматический класс - класс глаголов локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту охвата (проникновения, заполнения и т.п.) объекта (места). Это базовый концепт и языковая данность. Все диатезы присущи только глаголам с наиболее общим значением, например: *заполнять, закрывать, покрывать, заливать* и др.

Конструкции с глаголами, имеющими узкое конкретное лексическое значение, как правило, представляют собой не полную парадигму диатез, а лишь отдельные участки деривационной сети; ср.: *Лужа взялась коркой льда* (при невозможности **Корка льда взяла лужу, *Лужу взяло коркой льда*);

Повар обдал кастрюлю кипятком (при невозможности **Кипяток обдал кастрюлю, *Кастрюлю обдало кипятком, *Кастрюля обдалась кипятком*);

Тишину пронзил резкий звук; менее частотный вариант: *Трубач пронзил тишину резким звуком* (при невозможности активной конструкции **Тишина пронзилась резким звуком*).

4. Вариативность представления события наглядно представляется семантически емкими конструкциями, организованными каузативными предикатами. Содержательная структура таких предикатов построена по иерархическому принципу, причем неизменными компонентами значений (архисемами) предикатов различной семантики, образующих один синтагматический класс, оказываются те компоненты, которые предсказывают те же логические параметры описываемых событий и аналогичные роли семантических актантов, вне зависимости от числа актантов.

В синтагматический класс «глаголы локально направленного действия» входят около 1400 лексем, образующих 11 лексико-семантических групп. Полный набор деривационных связей обнаруживают только глаголы с наиболее общим значением.

Вывод. Метаязыковая категория «синтагматический класс» подпадает под определение «расплывчатое множество» («нечеткое множество») Лотфи Заде. Эта лингвистическая теория предполагает, что элементы (в нашем случае - глаголы) могут являться членами категории только в определенной степени (ср. единственный в синтагматическом классе глагол *взяться*, который, в отличие от других членов, не образует диатезных корреляций).

Метаязыковая категория «синтагматический класс глаголов» существует

1) как феномен когнитивной деятельности носителей языка, феномен концептуализации реальных событий, которая происходит не только путем сценарного представления событий, с выделением «участников» событий и уяснением их ролей, но и путем предписания и прогнозирования всех возможных вариантов семантико-синтаксической организации предложений и поведения «участников» в речи;

2) как языковая данность, прагматический механизм языковой системы,

предопределяющий композиционную семантику предложения, в том числе парадигматические связи предложений, перераспределение семантической «нагрузки» компонентов предложения (например, явления инкорпорирования и нулевых членов), редуцирование определенных параметров категориальных значений, использование словообразовательных формантов, показателей различных морфологических категорий, лексического и синтаксического способа выражения залоговых отношений, модификацию семантических характеристик актантов;

3) как коммуникативный стереотип, показывающий дейктические параметры речевых ситуаций, свидетельствующий о сложившихся и постоянно складывающихся языковых предпочтениях носителей языка, их языковом вкусе и о формировании ортологических нюансов.

Естественно, что все три аспекта существования базового концепта «синтагматический класс» взаимосвязаны.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: «Наука», 1976.

Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. трудов. М.-Калуга, «Эйдос»: 2007. С. 95-109.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. науч. трудов. М.-Калуга: «Эйдос», 2007. С. 26-33.

Лазуткина Е.М. Синтагматический класс глаголов: языковая данность, концептуальный феномен, коммуникативный стереотип // Филологические науки, 1995, № 5-6. С. 65–78.

Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 12-26.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: «Наука», 2011. 248 с.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974. С.77-100.

И.Б. Левонтина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

irina.levontina@mail.ru

Об экспансии винительного падежа в количественных оборотах

Многие обращают внимание на нередко встречающееся странное использование винительного падежа в контекстах типа: *У меня кучу дел; Есть минутку?; Было уйму впечатлений; Купила билеты по тыщу; Было половину десятого; Сказать по пару слов.* Это явление было отмечено в небольшой работе М. А. Холодиловой и А. Б. Летучего «Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке» (Тезисы конференции 2011 г.). В ней сказано, что квантификаторы *пара, куча, масса* могут использоваться в ВИН в естественных контекстах номинатива и что в интернете есть и примеры, в которых «форма аккумулятива заменяет, например, датив или генитив при предлогах».

Оказывается, что неканоническое употребление ВИН присуще более широкому кругу существительных с количественным значением: *тысяча* и *тыща, сотня, дюжина, уйма, половина, тонна, минута*, и круг контекстов ВИН тоже намного больше (и другие падежи, в том числе и без предлогов):

В качестве пару слов хотелось бы вам сказать...;
Машина была найдена в пару кварталов от дома;
Отдам лекарства. Почти все нетронутые. В пару пачек не хватает по 1-2 таблетки;
*плиз подскажите игру <...> чтобы **пару людьми** управлять)) спасибо вам;*
*Мне кажется я вернулась с **пару килограммами**, потому что это выпечку, хлеб, булочки,*
просто не возможно не попробовать;
будешь общаться с **тысячу людьми** это не значит, что в твоём сердце не будет пустоты;
*А для некоторых нормальная жизнь - это жизнь с **кучу друзей**, не работая вообще.*
Многие из этих примеров выглядят совершенно ненормативными, однако есть и вполне естественные:

*Прошло **пару месяцев** <тысячу лет>;*

*В **тысячу** триста восьмидесятом году;*

— Я, браток, в **тысячу** девятьсот пятом годе на усмирении был. [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940)]

Ср. также следующий пример из записи, автор которой, Лев Рубинштейн, бесспорно, замечательный стилист: *Удивить никто не удивил, но **пару имен**, скажем так, огорчили* (ответ на вопрос *Вас кто-то удивил?* о списке подписавших некое письмо).

Подобные случаи имеет смысл рассматривать не как разрозненные конструктивные сдвиги, а как следствие того, что в количественных оборотах падежные противопоставления ослаблены, так что количественные выражения могут застывать в одной падежной форме. Интересно, что на роль этой формы, как естественно ожидать, может претендовать и форма ИМ:

В половина случаев / в половина случаях;

Корейская монета в половина вона (1907)

Может, в половиину?

Угу, исправил

<https://www.bestiary.us/images/korejskaja-moneta-v-polovina-vona-1907>

Можно привести и примеры существительных, не различающих формы ИМ и ВИН, где форма ИМ/ВИН используется на месте формы косвенного падежа:

*Суть игры мы должны досчитать **до миллион** Так я начну!* icraft.uz/topic1200.html

*Продажа авто с пробегом **до миллион** рублей в Москве.* [carsguru.net/Быстрый подбор автомобиля»ag used car million](http://carsguru.net/Быстрый_подбор_автомобиля_ag_used_car_million)

Возвращаясь к словам, различающим формы ИМ и ВИН, отметим, что при указании времени слово *половина* вообще очень часто встречается в форме ИМ с предлогом: *встретимся в **половина пятого***; причем такое употребление совершенно не новое:

Две минуты ***после половина первого***. – Пора, – сказал Пален. – Höchste Zeit, – подтвердил Беннигсен (М. Алданов) <https://books.google.ru/books?isbn=5447552540>

*Я хотя попадал почти ежедневно часам **к половина второго**, к двум на службу, — и успевал там поперевести из Турсо де Молина (В. Пяст) silverage.ru/pastvstrech/*

А вот застывание в форме ВИН действительно необычно и связано, видимо, с типичностью для количественных оборотов обстоятельственного употребления.

ЛИТЕРАТУРА

М. А. Холодилова, СПбГУ, Санкт-Петербург А. Б. Летучий, ИРЯ РАН, Москва Было пару человек: об одной количественной конструкции в русском языке

<https://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011/pdf/XolodilovaLetuchiy.pdf>

А.Б. Летучий

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва
alexander.letuchiy@gmail.com

Падеж ниоткуда: о сравнительных конструкциях типа «*Может мне, как тебе, уехать в деревню?*»

В докладе будут описаны случаи, где именная группа или местоимение в русском языке получает падеж, не мотивированный структурно. Конкретнее, речь идёт о сравнительных конструкциях типа *А может, мне, как тебе, уехать в деревню?* Если первое местоимение (*мне*) получает дательный падеж от инфинитивной конструкции (*Может, мне уехать*), что нормально для русского языка, то дательный падеж второго уже не мотивирован. Если восстанавливать опущенное обозначение ситуации, то предложение будет выглядеть следующим образом: *А может, мне уехать в деревню, как сделал ты?*, таким образом, *тебе* – это не зависимое инфинитива или модальной конструкции с инфинитивом.

Мы рассматриваем разные причины, которые могут стоять за этим, казалось бы, немотивированным падежным маркированием, и его аналоги. В частности, мы показываем, что другие падежи, кроме датива, в меньшей мере склонны к такому немотивированному появлению, но также способны к нему.

Для объяснения задействуются две альтернативных гипотезы: собственно синтаксическая, говорящая о нестандартной природе сравнительных конструкций, близких как к сочинению, так и к подчинению, и прагматическая, предполагающая, что падеж присваивается второй именной группе или местоимению по аналогии, в силу влияния падежа зависимого, которое было произнесено только что.

Е.А. Лютикова

МГУ им. М.В. Ломоносова, МПГУ, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина
lyutikova2008@gmail.com

Островные ограничения в свете экспериментальных данных

В докладе предполагается представить новый проект по экспериментальному исследованию островных ограничений в русском языке. Проект преследует как описательные, так и теоретико-методологические цели. С дескриптивной точки зрения проблема островных ограничений в русском языке изучена явно недостаточно: в теоретических работах используются противоречащие друг другу данные (например, о возможности извлечения составляющих из придаточных предложений с союзами *что* и *как*, о наличии эффекта «подчинительный союз + след»), а многие вопросы не получают никакого освещения (например, о параметрах слабых островов, о допустимости интрузивных местоимений в разных типах структур). С теоретической точки зрения может быть поставлен вопрос о том, вызываются ли разные виды островных ограничений грамматическим запретом либо чрезмерной нагрузкой на когнитивные системы, задействованные в обработке высказывания. Наконец, с методологической точки зрения серьезный интерес представляет проблема внутриязыкового варьирования и сосуществования в пределах одной языковой общности различных вариантов грамматик, что отражается в неоднородных суждениях респондентов о приемлемости предложений, содержащих исследуемые конструкции.

Матханова И.П.

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
matkhanova@mail.ru

**Двувидовые глаголы деятельности:
лексико-грамматическая и референциальная характеристика**

В докладе характеризуется один из семантических типов двувидовых глаголов, которые до сих пор не изучались в этом аспекте.

Рассматриваются разные подходы к выделению предикатов деятельности, их семантические признаки (Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева, Ю. С. Маслов, М. А. Шелякин и нек. др.), обосновывается выделение определенного комплекса, включающего обязательные и факультативные параметры: двуслойность семантики (ряд неоднородных и однородных действий в пресуппозиции и их обобщение, дающее номинацию глаголу), отсутствие конкретной референции, континуальность (длительность) обобщенного явления, обусловленная несколькими раундами наблюдения за конкретными актами, временная нелокализованность, производная статичность, контролируемость ситуации, целенаправленность действий, служащих для общего наименования их совокупности.

Глаголы деятельности чаще всего относят к одновидовым НСВ, однако они имеют опосредованную связь с пределом (его можно условно назвать «первичным пределом», т.е. относящимся к первичному слою семантики): действия, лежащие в основе обобщения, направлены на создание такой совокупности, которую можно идентифицировать как определенную деятельность (*управлять, заведовать, воспитывать* и под.). Эти глаголы называют деятельностью, не требующую достижения определенной цели, хотя в высказывании иногда присутствует указание на внешнюю цель, которая может служить указанием на некий предел.

В докладе предпринимается попытка выделить другой подтип глаголов деятельности, которые помимо «первичного предела» могут содержать указание на «вторичный предел», на который направлена деятельность, состоящая из совокупности первичных неоднородных актов (*оптимизировать, американизировать, цифровизировать, унифицировать* и др.). Достижение этого внешнего предела обусловлено полным охватом объектов или полным приобретением каким-либо объектом нового качества. Отнесенность этого второго подтипа к двувидовым глаголам обусловлена их способностью совмещать в своей семантике признаки НСВ и СВ: процессуальности / неограниченной кратности и результативности. На основании комплекса семантических признаков среди двувидовых глаголов выделяется несколько лексико-словообразовательных групп, которые обладают признаками, характерными для деятельности: глаголы 1) со значением 'придать/придавать кому-чему-л. черты того образа жизни, который назван мотивирующим словом' (*большевизировать, украинизировать, пролетаризировать*); 2) глаголы со значением разнородных действий, направленных на приобретение качества / свойства, названного мотивирующим прилагательным (*активизировать, криминализировать, индустриализировать*); 3) глаголы со значением массового внедрения, распространения того, что названо мотивирующим существительным (*газифицировать, роботизировать, паспортизировать*) и ряд др. групп. Эти разновидности можно отнести к продуктивным моделям двувидовых глаголов, по которым образуются новые глаголы.

Имке Мендоза
Universität Salzburg
imke.mendoza@sbg.ac.at

Маркирование объектов относительных придаточных в славянских языках

В докладе анализируется употребление несклоняемых относительных маркеров (рус. *что*, польс. *co* и т.п.) при релятивизации прямого объекта. Функция прямого объекта в иерархии доступности, предложенной Keenan-a & Comrie в 1977 г., изображается как монолитная функция. Однако, при подробном анализе отдельных языков оказывается, что эта позиция является более комплексной. Это становится особенно видно, если рассматривается релятивизация с использованием несклоняемого относительного маркера. На выбор релятивизируемой стратегии здесь воздействуют различные факторы, такие как (семантическая) одушевленность, тождество синтаксических функций вершины и релятивизируемой позиции (*case matching*) и парадигматическое соотношение объектных падежей вершины. Предлагается интерпретация результатов в рамках теории дифференцированного маркирования объектов и грамматической одушевленности.

М. А. Овсянникова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
masha.ovsjannikova@gmail.com

Русские глаголы восприятия, мышления и эмоций: сопоставление грамматических свойств трех групп глаголов

В докладе рассматриваются синтаксические свойства глаголов восприятия, мышления и эмоций в русском языке. Эти три семантические группы экспериенциальных глаголов сопоставляются по тому, как входящие в них глаголы распределены с точки зрения свойств, связанных с семантической переходностью ситуации, таких как способ кодирования экспериенцера, переходность, возвратность и др. Ориентиром для сопоставления служат типологические иерархии глагольных классов, в которых группы экспериенциальных глаголов выстраиваются в следующем порядке от наиболее семантически переходных: восприятие > мышление > эмоции. Исследование проводится на материале списков глаголов этих трех групп, полученных с опорой на семантическую разметку НКРЯ. Было обнаружено, что среди глаголов эмоций в значительно большей степени, чем среди глаголов восприятия и мышления, распространены грамматические свойства, свидетельствующие о пониженной переходности ситуаций. Различия между глаголами восприятия и мышления не складываются в единую картину, но примечательно, что многие из рассматриваемых свойств свидетельствуют о большей семантической переходности глаголов мышления, а не восприятия. Наряду с грамматическими свойствами глаголов в статье обсуждается вопрос о том, какие деривационные отношения типичны для каждой из семантических групп и как они отражаются в распределениях глаголов на грамматические типы.

О.Е. Пекелис
РГГУ, Москва
opekelis@gmail.com

**Это, так, такое: к уточнению признаков, различающих местоимения с
сентенциальным antecedентом в русском языке**

Согласно [Летучий 2011], конкуренция местоимений *это, так* и *такое*, отсылающих к сентенциальному antecedенту, определяется двумя факторами: (i) *это* и *такое*, но не *так*, могут обозначать ситуацию вместе с условиями, в которых она возникла; (ii) *это* характеризуется конкретно-референтным статусом, *такое* – нереферентным, *так* способно и к референтному, и к нереферентному употреблению. Эта интерпретация, обнаруживая основные «точки конкуренции» трех местоимений, ряд вопросов все же оставляет без ответа. В их числе: (i) как совмещается предполагаемый конкретно-референтный статус *это* со способностью *это* отсылать к пропозициям с общим референциальным статусом, ср. *Это бывает, что женщины спокойнее мужчин* [НКРЯ]; (ii) в чем состоит связь между двумя факторами; почему, например, *так* не может обозначать ситуацию вместе с условиями, в которых она возникла, если, подобно *это, так* способен к референтному употреблению.

В докладе будет предпринята попытка предложить системное описание конкуренции *это, так* и *такое*, учитывающее взаимосвязь между разными свойствами этих местоимений. Будет показано, что для дифференциации *это, так* и *такое* значение имеет не только референциальный статус antecedента, не только референциальный статус местоимения, но и **соотношение** этих статусов. А именно, *это* стремится к сохранению референциального статуса antecedента; *такое* отличается способностью преобразовывать конкретно-референтный статус antecedента в общий статус – местоимения; и только *так* свойственно обозначать ситуацию с конкретно-референтным статусом при общем статусе antecedента.

Библиография

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [URL: www.ruscorpora.ru].

Летучий А.Б. Пронаминализация сентенциального аргумента в русском языке // Конференция «Диалог-2011», Моск. обл., май 2011.

В.А. Плунгян

ИРЯ РАН, ИЯз РАН, МГУ, Москва

И.В. Егоров

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,

А.Д. Егорова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Ещё раз о «русском перфекте»: к истории конструкции *Вчера получено известие*.

В докладе прослеживается история развития правил употребления конструкций с пассивными причастиями на *-н, -т* на корпусном материале, относящемся к русскому языку XVIII—XX веков. Одна из главных задач – выявить различия конструкций без вспомогательного глагола (*Надпись закрашена*) и с вспомогательным глаголом в форме прошедшего времени (*Надпись была закрашена*).

Специальное внимание уделяется мало изученным конструкциям со значением неперфектного претерита, среди которых наибольший интерес представляют конструкции

без было: Когда все **осмотрено** и деньги **вручены** консулу, то он отвел в угол Сарвила и начал с ним шептаться; Между тем **принесена** дыня и **съедена** [В. Т. Нарезный. Бурсак (1822)].

Е.В. Рахилина
НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН, Москва,
Р.Н. Кривко
ИРЯ РАН, Москва
Н.А. Борисенко
НИУ ВШЭ, Москва

Более-больше: микродиахроническое исследование

В докладе рассматриваются русские конструкции с наречиями *более* и *больше*, выделяются типы контекстов, в которых они употребляются и выявляется соотношение этих наречий в разных конструкциях. Учитываются диахронические изменения, которые отражаются в динамике такого соотношения.

С. С. Сай
Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
serjzhka@yahoo.com

Личные имена как посессоры: родители Саши или Сашины родители?²

В русском языке существует две основных посессивных конструкции, в которых посессор обозначается личным именем: в одной из них посессор оформляется родительным падежом (*родители Саши*), а в другой — выражается при помощи согласованного притяжательного прилагательного (*Сашины родители*). Конструкционная синонимия этих двух моделей отмечалась в работах многих исследователей. Среди прочего, в имеющейся литературе отмечались различные признаки (синтаксические, лексические, регистровые), блокирующие эту модель конкуренции, прежде всего, те случаи, когда затруднено или невозможно использование притяжательного прилагательного. Однако в тех случаях, когда обе конструкции грамматически возможны, между ними, видимо, невозможно увидеть никакого денотативного различия. Как следствие, конкуренция регулируется вероятностными законами. В предлагаемом исследовании ставится задача выявить факторы, влияющие на выбор между конструкциями.

Для решения этой задачи была создана база примеров, полученных из НКРЯ, в которых в качестве посессора выступает одно из шести имен (*Витя, Толя, Юра, Люда, Таня, Саша*). В целом из 2938 примеров с этими именами притяжательное прилагательное использовано в 1265 (43%). Полученные выдачи были вручную размечены по ряду параметров, некоторые из которых оказались значимо связаны с вероятностью выбора конструкции. Особенно важны два выявленных параметра.

² Исследование выполняется в рамках более широкого проекта, нацеленного на изучение конкуренции между отыменными прилагательными и генитивными определениями и выполняемого в соавторстве с Лорой Яндой и Туре Нессетом.

Во-первых, вероятность использования притяжательного прилагательного тем выше, чем чаще соответствующее имя (и, следовательно, сам референт) упоминается в качестве посессора в соответствующем тексте.

Во-вторых, вероятность использования притяжательного прилагательного связано с семантическими признаками вершины. Девять онтологических классов, которые были выделены в исследовании, образуют следующую иерархию (первыми называются категории, «притягивающие» конструкцию с прилагательными: конкретные физические объекты > места > люди > группы > части тела > слова > абстрактные понятия > статусы > полуграмматикализованные употребления (*по словам Саши*)).

Полученные в рамках исследования обобщения позволяют предполагать, что использование генитивной конструкции коррелирует с меньшей предсказуемостью посессора, и относительной высоким положением синтаксической вершины (обладаемого) на онтологической иерархии. Если эти обобщения верны, то они хорошо согласуются с различием в линейной структуре конкурирующих конструкций.

Н. В. Сердобольская

старший научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва

Отдел урало-алтайских языков

serdobolskaya@gmail.com

А. Д. Егорова

аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

кафедра ТиПЛ

Грамматикализация нового комплементаризера *то что* в современном русском языке: экспериментальные данные

В последние двадцать лет наблюдается экспансия сочетания *то что* в сложном предложении, например *Живи и радуйся, то что ты живешь и дышишь* (пример из Интернета). Исследования, посвященные данной конструкции (точнее, нескольким конструкциям), выявили следующие ее особенности: *то что* в таких случаях произносится без паузы между компонентами; *то* не несет акцента и не принимает на себя падежное оформление; некоторые носители допускают «дублирование» компонента *то* (*она радуется тому то что она тут считается личностью*). При «дублировании» первое *то* является коррелятом, принимает на себя падеж и акцент, в отличие от второго *то*, которое, по-видимому, можно считать грамматикализованным элементом в составе комплементаризера. Настоящая работа ставит целью проверить гипотезы, сформулированные в ходе корпусного исследования изучаемых конструкций: 1) ненормативное *то что* более частотно при главных предикатах, приписывающих номинатив или аккузатив (а не косвенные падежи); 2) ненормативное *то что* употребляется без коррелята в речи большинства носителей; 3) коррелят чаще употребляется при главных предикатах, требующих косвенного падежа. В целях проверки данных утверждений мы провели экспериментальное исследование, основанное на предъявлении иллюстраций с частичным стимулированием. Опрошено 149 носителей (школьники и студенты Москвы, Санкт-Петербурга и Магнитогорска). От каждого записан текст длительностью от 2,5 до 10 минут. Носители распределены по группам в зависимости от количества частотности *то что* в тексте. В докладе представлены результаты проверки приведенных выше гипотез исходя из групп по частотности.

Н.М. Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
stoynova@yandex.ru

Вариативность в глагольной префиксации: дериваты на *до-* и *пере-*

В докладе на материале текстов неформальной интернет-коммуникации (корпус ГИКРЯ) будет рассмотрена вариативность в образовании приставочных дериватов на *до-* и *пере-*. В подробной классификации русских префиксов, предложенной С. Г. Татевосовым (2008; 2009; 2013), *до-* с комплетивным значением ('закончить, довести до конца', ср. *дочитать*) и *пере-* с рефактивным значением ('сделать повторно, лучше или по-другому', ср. *перечитать*) характеризуются как отдельный префиксальный тип с особыми формальными свойствами. Одно из таких свойств — способность присоединяться как к основам НСВ (как в глаголах *шить* > *дошить*, *перешить*), так и к основам СВ (как в глаголах *проверить* > *допроверить*, *перепроверить*). В докладе, на основании анализа текстовых употреблений, я постараюсь описать правила выбора основы для разных групп глаголов. Если принять во внимание данные неформальной спонтанной речи, в т.ч. окказиональные образования, то эти правила оказываются достаточно сложными и нежесткими.

Для некоторых глаголов в реальной речевой практике параллельно используются и дериват от основы НСВ, и дериват от основы СВ (ср. *перепаковать* и *переупаковать подарок*). Для них будут даны частотные оценки и предположения о различиях в употреблении. Обнаруживается также, что несмотря на то, что по более общим формальным свойствам *пере-* и *до-* действительно можно объединить в единый тип, в отношении выбора основы они ведут себя очень по-разному. Различие обусловлено, в частности, тем, что *до-*, в отличие от *пере-* и вопреки теоретическим предсказаниям о структуре русского глагола, способен присоединяться к вторичным имперфективам на *-ыва~-ва~-а*. Так, например, наряду с дериватами *допаковать* и *доупаковать*, симметричными приведенным выше дериватам на *пере-*, встречается также синонимичный им *доупаковывать* (СВ от *упаковывать*, напр. в контексте: *наконец доупаковывал подарок*), при невозможном СВ *переупаковывать* (используется только как вторичный имперфектив от *переупаковать*).

Очень привлекательной кажется идея о том, что русские префиксы делятся на два позиционных типа: внутренние (или лексические) и внешние (суперлексические), каждый из которых объединен целым рядом общих формальных свойств, см. [Babko-Malaya 1999]; [Ramchand 2004]; [Svenonius 2004]; [Romanova 2006] и мн. др. Более детальный анализ показывает, что всего двумя типами обойтись не удастся. Так, в классификации С. Г. Татевосова [2009; 2013] внешние префиксы подразделяются еще на три типа. Материал, обсуждаемый в докладе, показывает, что при обращении к большому массиву современной разговорной речи и изучению более частных свойств каждого отдельного префикса, классификация рискует стать еще более дробной, вплоть до абсурдной ситуации «один префикс — один класс».

Литература

- Татевосов С.Г. (2009), Множественная префиксация и анатомия русского глагола, Киселева и др. (ред.), Корпусные исследования по русской грамматике, Москва, Пробел-2000.
- Татевосов С.Г. (2013), Множественная префиксация и ее следствия, Вопросы языкознания, 3, сс. 42–89.
- Babko-Malaya O. (1999), Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case, Ph.D. dissertation, Rutgers University.
- Ramchand G. (2004), Time and the event: The semantics of Russian prefixes, Nordlyd, 32(2). Special issue on Slavic prefixes, 2004. pp. 323–366.
- Romanova E. (2006), Constructing Perfectivity in Russian, Ph.D. dissertation, University of Tromsø.

Svenonius P. (2004), Slavic prefixes inside and outside VP, Nordlyd. Special issue on Slavic prefixes, 32, pp. 205–253.

Tatevosov S.G. (2008), Intermediate prefixes in Russian, Antonenko A., Bethin C., Baylin J. (eds.), Formal approaches to Slavic linguistics, New York, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, pp. 423–442.

С.Г. Татевосов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

tatevosov@gmail.com

Еще раз об эмпирической реальности русских циркумфиксов

Основополагающий аргумент в пользу выделения в русском языке такой позиционной разновидности аффиксов, как циркумфикс в глаголах типа *убегаться* или *обзавидоваться*, опирается на невозможность предложить для таких глаголов композиционную деривацию, в которой каждый из компонентов вносит предсказуемый вклад в интерпретацию. В докладе предлагается анализ, позволяющий преодолеть это затруднение и тем самым показать, что теория может отказаться от циркумфиксов, не теряя эмпирической адекватности.

Я.Г. Тестелец

РГГУ, Институт языкознания РАН, Москва

testelelets@gmail.com

Анафора и грамматические асимметрии в русском языке

Связь грамматических свойств анафорических местоимений с иерархической структурой предложения и словосочетания – тема, активно разрабатываемая с 1960-х гг., в том числе применительно к русскому и другим славянским языкам (Klenin 1974; Падучева 1983; Козинский 1983; Rappaport 1986; Sturgeon 2003 и др.). Рефлексивные местоимения (и – негативно – личные) ориентированы на подлежащее, реципрок показывает различие между подлежащим, беспредложным прямым или косвенным дополнением и именными группами с более низким статусом. К более тонким структурным различиям анафора в русском языке, по-видимому, не чувствительна, что ставит под сомнение принятую в генеративной грамматике бинарно ветвящуюся модель синтаксической структуры.

Д. Б. Тискин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

daniel.tiskin@gmail.com

Ни- и ни... ни: дистрибуция и условия лицензирования

Вопрос об условиях лицензирования русских отрицательных местоимений на *ни-*, именных групп со значением отрицания существования (*ни одного человека*) и повторяющегося союза *ни... ни* имеет синтаксическую и семантическую стороны. Так, Былинкина (2003) исследовала синтаксические условия, в которых могут появляться *ни-* и *ни... ни*, и выявила тонкие различия в их дистрибуции, Лютикова (2017) определила

условия, при которых *ни*- лицензировано в составе клаузы, вложенной в именную проекцию, находящуюся в сфере действия отрицания, а мы ранее (Тискин 2019) обратили внимание на различия в приемлемости между атрибутивными и генитивными посессорами на *ни*- в структуре отрицательной номинализации. Все эти работы можно отнести к «синтаксической» линии, к которой принадлежит и исследование (Zeijlstra 2004), где описан синтаксический механизм отрицательного согласования.

С другой стороны, в традиции монографии (Chierchia 2013) дистрибуция единиц положительной и отрицательной полярности требует семантического объяснения. Например, сербохорватский союз *ni... ni* в (Gajić 2016) получает анализ по модели английского *any*, при котором он лицензируется нулевым оператором, чья семантика состоит в «исчерпывании альтернатив»:

(1) $S(A)$ или $S(B)$ истинно, $e \sim t \sim e$. это следует из того, что $S(A \vee B)$ истинно.

Для отрицательных контекстов (1) выполняется, а для неотрицательных не выполняется, откуда требование, чтобы *ni... ni* находился в контексте отрицания (т. е. чтобы S включало оператор отрицания).

Описывать указанным способом русский союз *ни... ни* оказывается, однако, затруднительно, т. к. имеются примеры, где он располагается над отрицанием (Раретно 2014):

(2) **Ни** птица **не** пролетит, **ни** заяц **не** промелькнёт: всё безлюдно, мертво, дико, беспредельно и полно суровой таинственности. [В. А. Соллогуб. Метель (1849)]

Кроме того, в ряде случаев как минимум возможно описание, при котором сочиняемые *ни... ни* составляющие имеют сферу действия над отрицанием, что — если признавать ограничение на вынос из сочинённой структуры — должно означать, что и сам *ни... ни* имеет сферу действия над отрицанием:

(3) Их накопление превращает окружающую среду в натуральный мусорник, чего ни Англия, ни правительство, ни **каждый англичанин** не хотят. [Arapeum]

Наконец, есть и случаи, когда *ни... ни* вообще не требует выраженного отрицания (Пазельская 2006; в Тестелец 2007 рассматривает такие «выражения с *ни*-, не требующие совпадения по отрицанию» особо и указывает на их связь с заранее данной парой альтернатив):

(4) Лаврик знал, что — все, что — конец, и это ни удручало, ни вдохновляло, ни забавляло его. [Андрей Битов. Вкус (1960-1999)]

Мы предлагаем описание *ни... ни* как единицы, лицензируемой над отрицанием (ср. Abels 2005 о *ни*- как элементе положительной полярности) и имеющей семантику конъюнкции, однако порождаемой под отрицанием и согласующейся с ним по механизму, предложенному в (Zeijlstra 2004). *Ни... ни* претерпевает передвижение в позицию между отрицанием и расположенным выше него нулевым оператором типа ‘даже’ (в отличие от оператора типа ‘только’ в Gajić 2016; см. Nicolae 2012). Присутствие этого оператора приводит к тому, что нахождение *ни... ни* в сфере действия отрицания приводило бы к противоречивым условиям истинности; передвижение за пределы отрицаемого фрагмента предложения позволяет избежать этого. Сами же сочиняемые *ни... ни* составляющие могут при интерпретации реконструироваться как в позицию под отрицанием, так и в более высокую позицию.

В свете данного описания (4) можно рассматривать как пример, где вся сочинённая структура расположена выше позиции отрицания. Поскольку отрицание выражается нулевым оператором, а согласуются с отрицанием только элементы, расположенные ниже его в структуре, мы не видим в (4) частицы *не*.

Некоторые сведения о позиции, в которой интерпретируются сочиняемые *ни... ни* составляющие, можно почерпнуть из примеров типа

(5) В это время рядом не было ни тещи — она не могла улететь из Австралии, — **ни никого** из родных. [Вячеслав Фетисов. Овертайм (1997)]

(6) У ханского шатра не было ни самого хана, **ни кого-либо** из его семьи или знатных вельмож. [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)]

Такие примеры будут рассмотрены в докладе.

Е.В. Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

uryson@gmail.com

Определение видовой пары и глагольные пары типа

читать - почитать, спать – поспать

Объект работы – русские парные глаголы, ср. *делать – сделать, вытекать – вытечь, обижаться – обидеться*. Глагол рассматривается в отдельном конкретном значении, т.е. объектом исследования являются глагольные лексемы или ЛСВ глагола по Смирницкому. Цель работы – уяснить, являются ли видовой пары типа *рисовать – порисовать, заниматься – позаниматься*.

Для ответа на этот вопрос нужно располагать определением видовой пары. В работе сделана попытка определить видовую пару исходя из операционного критерия Маслова, но при этом выявив семантическую подоплеку этого критерия. Иными словами, в работе сделана попытка интерпретировать с семантической точки зрения способность парного глагола НСВ обозначать событие в масловских контекстах.

Продемонстрировано, что указание на событие входит в лексическое значение и глагола СВ, и парного ему глагола НСВ. Видовое значение как НСВ, так и СВ сводится к указанию на модальную и темпоральную характеристику этого события. В частности, глагол СВ в норме обозначает конкретное единичное событие в цепи событий, а парный ему глагол НСВ содержит указание на потенциальное событие или на повторяющееся событие или на такое событие, которое не влияет на актуальное положение дел и т.п. Рассмотрены предельные и непредельные глаголы. Охарактеризованы типы событий, на которые может указывать парный глагол.

В рамках этого подхода рассматриваются два случая, которые, казалось бы, противоречат критерию Маслова.

Первый случай: сценические ремарки типа *Бегают по комнате в поисках письма* ‘начинает бегать’, где глагол *бегать* как будто получает семантическое наращение – указание на начинательность. В обычном повествовании форме *бегают* этой ремарки соответствует группа *начать бегать* (ср. *Начал бегать по комнате*) или глагол *забегать* (ср. *Забегал по комнате*). Подобные сценические ремарки относятся к масловским контекстам, следовательно, по Маслову, глаголы *бегать* и *забегать* образуют видовую пару, что, однако, как минимум неочевидно: *забегать* обычно трактуется как начинательный способ действия от *бегать*.

Второй случай: пары типа *рисовать – порисовать, заниматься – позаниматься*. Второй глагол в паре обычно трактуется как делимитативный способ действия. Однако глагол НСВ из такой пары заменяет собой глагол СВ в настоящем историческом (а это масловский контекст). Ср. *Тем утром я как всегда побегал в парке, позанимался французским, почитал газету, потом порисовал с натуры – Тем утром я как всегда бегаю в парке, занимаюсь французским, читаю газету, потом рисую с натуры*.

В работе предложена интерпретация этих случаев с точки зрения семантики. Обсуждается организация лексического значения непредельных глаголов типа *бегать, заниматься* и, в особенности, предельных глаголов типа *читать, рисовать*.

Обсуждается отличие пар типа *бегать – забегать* и типа *заниматься – позаниматься* от классических видовых пар типа *делать – сделать, читать – прочитать*.

Обсуждается возможная дефиниция видовой пары в рамках предлагаемого подхода.

М. А. Холодилова
ИЛИ РАН / НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург
hol_m@mail.ru

Специализированные относительные местоимения, образованные от вопросительных, в славянских языках

В ряде славянских языков при релятивизации наблюдается конкуренция местоимений, совпадающих с вопросительными, и образованных от них специализированно относительных дериватов или сочетаний с частицами, ср., например, др.-рус. *къто* и *къто же*, *къто то* [Зализняк 1981], макед. *кој* и *кој-што* [Kramer, Mitkovska 2011]. Рассмотрение корпусных данных в сопоставлении с существующими описаниями позволяет утверждать, что вопросительные местоимения без дополнительного маркирования в рассматриваемых языках тяготеют к рестриктивным и в особенности максимализирующим контекстам. Иными словами, маркер релятивизации более предпочтителен в контекстах, в которых относительная клауза в большей степени влияет на семантику относительной конструкции в соответствии со шкалой [Grosu, Landman 1998].

А. В. Циммерлинг
Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина
Московский педагогический государственный университет
Институт языкознания РАН, Москва.
fagraey64@hotmail.com

Едина ли русская грамматика? Норма, узус, варианты

Понятие грамматики является дескриптивным обобщением над совокупностью нормативных употреблений некоторого языка и одновременно отсылает к единой и непротиворечивой системе правил или ограничительных условий, регулирующих узус этого языка. Формальные модели грамматики предиктивны, если они правильно предсказывают узус на основе небольшого числа ограничительных условий. Лингвистический идеал состоит в том, что грамматика любого языка едина и непротиворечива. Проверка этого утверждения связана с параметризацией языкового разнообразия. Выделяемые параметры непродуктивно сводить к конкретноразговорным чертам: они должны предсказывать как внутриязыковое, так и межъязыковое варьирование. Описание языка, опирающееся на постулат о единстве грамматики, может затрудняться из-за существования идиомов, закрепляющих разные значения выделяемых параметров в зоне варьирования. Так, например, в некотором контексте Идиом 1 может предпочитать форму А, Идиом 2 — форму Б, а Идиом 3 — допускает как А, так Б. Такой характеристике соответствует состояние русского языка, где часть говорящих использует конструкцию с предикативным дательным падежом, ср. *быт творительного предикативного падежа* в русском языке XX— XXI вв. (= Идиом 1) можно удовлетворительно описать на основе гипотезы о том, что данная грамматическая форма контролируется подлежащим финитного предложения (Она была умной) или субъектом инфинитивной клаузы (Учитель считал [её умной]) при наличии фонетически выраженной финитной вершины, ср. запрет на творительный предикативный в предложениях с нулевой связкой, *Она умной, ??Она умницей. Однако меньшинство говорящих с XVIII в. по на

наши дни (= Идиом 2) допускает употребления типа ??Было понятным, [что учитель опоздает], где форма творительного предикативного реализуется в отсутствии внешне выраженного подлежащего в именительном падеже. Тем не менее, гипотезу о том, что конструкция с творительным предикативным и в Идиоме 1, и в Идиоме 2 связана с подлежащим контролем, можно сохранить за счет допущения о том, что в Идиоме 2 контролером творительного предикативного падежа в главном предложении является сентенциальный аргумент [что учитель опоздает]. Такой анализ дает верные предсказания при условии, что контрпримеров типа *Было понятным, где форма творительного предикативного падежа реализуется в отсутствии придаточного или инфинитивного оборота, обнаружено не будет. Важную роль для русской грамматики играет параметр номинативного дополнения, разрешающий или запрещающий дополнения в прямом падеже. В данном случае диахронический вектор ясен. Древнерусский язык, старорусский язык и язык первой половины XVIII в. допускал дополнения в именительном падеже, в то время как в современном русском языке выраженными именными группами дополнения в именительном падеже запрещены: диалектные формы типа косить трава, надо баня, кому я надо старая и т.п. воспринимаются как нелитературные. Тем не менее, сохраняются реликты номинативных дополнений, выраженных количественными группами, ср. Учителю нужно два помощника. В современном языке форма два (исконно — синкретическая форма им.-вин.п.) морфологически и синтаксически противопоставлена новой форме вин.п. двух. Попытки ad hoc придать количественным группам типа два помощника статус якобы сохраняющегося в синхронии “одушевленного варианта вин.п.” или объявить их вообще беспаджными, неубедительны, так как русский язык сохраняет как контексты, где обязательной является форма им.п. а форма вин.п. запрещена, ср. пассивные предложения два помощника были уволены/ было уволено, *двух помощников было уволено, так и контексты, где, напротив, обязательна форма вин.п., а форма им.п. запрещена, ср. активные неопределенно-личные предложения двух помощников уволили, *два помощника уволили. Непротиворечивое описание русской грамматики на основе сетки параметров возможно при точной оценке сохраняющихся зон варьирования и корректном описании сосуществующих идиомов. Полнота и продуктивность такого описания определяются тем, в какой мере оно соответствует данным корпусов текстов и данным социолингвистических экспериментов. Методологическая проблема, возникающая при привлечении этих ресурсов, связана с тем, какой именно срез или период употреблений языка они фиксируют. Возможно, стабильное состояние грамматической системы, соответствующее модельному представлению о единой и непротиворечивой сетке параметров, соотнесено не с моментом исследования как таковым, а с некоторым включающим его временным отрезком. Внешняя валидация параметрического описания грамматики связана с применением использованных параметров к другим языкам, где имеются сопоставимые явления. При этом может быть потребоваться модификация изначальных формулировок использованных параметров или уточнение их внутренней структуры, с учетом межъязыкового варьирования.

О.В. Чагина

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

aichagin@mail.ru

Квазипассивные конструкции как объект лингводидактического описания в преподавании русского языка как иностранного

Сообщение посвящено описанию возвратных глаголов квазипассивного значения с позиции преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Специальных исследований, рассматривающих эти глаголы в плане изучения русского языка как неродного, за малым

исключением, нет. В теоретической грамматике предметом рассмотрения оказываются различные аспекты функционирования квазипассивных глаголов в системе русского языка (Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.И. Гаврилова, А.А. Зализняк, Т.П. Ломтев, Ю.П. Князев, Е.В. Падучева, М.А. Шелякин, Н.А. Янко-Триницкая). Эти работы, а также наши наблюдения позволили выделить ряд положений, которые могли бы оказаться полезными в лингводидактическом описании данных структур в целях преподавания РКИ.

Представляется необходимым выявить опорные точки, помогающие иностранному студенту понять специфику грамматического устройства и функционирования квазипассивных конструкций, соотносящихся с прямопереходными структурами. В наибольшей мере этому способствует введение в лингводидактический обиход понятия «агенса-инициатора», который лишь инициирует действие, происходящее далее без его участия; и понятия «переходность инициирующего типа» (В.И. Гаврилова). Опираясь на эти понятия, легко уяснить закономерный характер конверсных преобразований прямопереходных структур с глаголом инициирующей переходности. Для конверсивов такого характерно использование сказуемого в форме возвратного глагола сов. в.: *Я уже заварила чай – У меня уже заварился чай.*

В иностранной аудитории важно также обратить внимание на вызывающий трудности вопрос о семантическом различии квазипассивных структур типа *Мясо пожарилось* и структур с кратким страдательным причастием *Мясо пожарено*.

Актуальной для иностранной аудитории является отработка структур, описывающих функционирование разного рода техники, приборов и механизмов, взявших на себя выполнение работы, ранее выполняемой человеком. По В.И. Гавриловой предложения, описывающие «инициируемые техногенные процессы», имеют квазипассивный характер.

Квазипассивное значение имеют структуры с возвратными глаголами сов. в. со значением «разрушения»: *разбиться, сломаться, разлиться* и т.д. Специфика работы над ними в иностранной аудитории состоит в том, что здесь грамматический аспект дополняется лексическим, поскольку иностранцы для описания любого деструктивного действия ошибочно используют глагол «сломаться» вне зависимости предмета от материала, из которого он сделан: **У меня сломалась чашка, куртка.*

В сообщении приводятся образцы текстов, в которых квазипассивные глаголы наиболее органичны. Демонстрируется система заданий, последовательно подготавливающих студентов к употреблению этих глаголов с выходом в свободную неподготовленную речь.

И.А. Шаронов

РГГУ, Москва

igor_sharonov@mail.ru

Надо же и Вот ведь как – от высказывания к междометиям

Вторичных междометий в русском языке достаточно много: *Вот так <тебе; те (и)> раз!; Вот так-так!; Ничего себе!; Вот это/ так да!; Ну и ну!; Надо же!; Вот ведь как* и др. В докладе речь идет о поэтапной прагматикализации некоторых конструкций в результате их идиоматизации, десемантизации, эллипсиса и закрепления экспрессивного значения, окончательным пунктом которой являются вторичные междометия. Рассматриваются пути становления междометий удивления *Надо же* и *Вот ведь как*:

1. *Вот ведь как бывает в жизни – Вот ведь как бывает – Вот ведь как – Вот ведь!* междометное.

2. *X-у надо было войти в комнату утром VS X-у надо было войти в комнату утром – И надо было X-у войти в комнату утром! – И надо же было монетке в такую цель*

закатиться! – И / *Ну надо же (было) такому случиться!* – И *надо же!* нарративное VS *Ну надо же / Это ж надо!* междометное.

Прагматикализация приводит к изменениям в семантике и дискурсивных свойствах единиц от одного этапа к другому. На последнем этапе многие вторичные междометия, происходящие из разных конструкций, становятся почти полными синонимами со значением изумления или недоумения говорящего лица.

А.Д. Шмелев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Когда и как можно исправлять ошибки в грамматических описаниях?

Ошибки и противоречия в существующих грамматических описаниях разнообразны, и в зависимости от того, с каким типом ошибки мы имеем дело, можно предложить разные способы их исправления.

1. В некоторых случаях речь идет об очевидном недосмотре авторов описания, когда исправление ошибки не связано ни с каким новым лингвистическим знанием (как, напр., утверждение «Грамматики-1970», будто у существительных с основой на [г], [к], [х] формы именительного падежа множественного числа всегда образуются от основ на мягкие согласные [г'], [к'], [х']). Такие ошибки легко могут быть исправлены; они не представляют особого интереса.

2. С противоположной ситуацией мы имеем дело, когда неточность в грамматическом описании вызвана тем, что какие-то языковые факты не попали в поле зрения автора. Вплоть до самого последнего времени все грамматические описания русского языка исходили из того, что местоимения *столько* и *сколько* не изменяются по числам (т. е. игнорировались такие формы, как *столького*, *столькому* и т. д.). Здесь ошибку можно исправить, лишь обнаружив языковой факт, ускользнувший от внимания грамматистов. При этом важно не попасть в плен аналогии и не приписать способность изменяться по числам слову *несколько*.

3. В некоторых случаях мы сталкиваемся с несогласованностью разных фрагментов описания, напр. когда одновременно утверждается, что наречия не имеют форм словоизменения и что наречия на *-о* имеют сравнительную степень в качестве формы словоизменения. Здесь сделать описание последовательным обычно бывает можно разными способами, но в любом случае придется отказаться от одного из противоречащих друг другу утверждений.

4. От случаев такого рода отличаются случаи, когда описание недостаточно эксплицитно, так что при помощи специальных разъяснений можно сделать его формально верным, хотя, возможно, не оптимальным. Так, обычно считается, что род для имен существительных – словоклассифицирующая категория и что фамилии относятся к существительным. Этому явно противоречит представление, согласно которому при заключении брака можно «взять фамилию мужа» и фамилия берется в особой, женской форме, не совпадающей с мужской, и при этом женская форма не считается «другой» фамилией. Формальный выход из этого противоречия мог бы состоять в том, чтобы объявить мужские и женские фамилии разными словами, связанными словообразовательными отношениями (напр. словообразованием «по конверсии»).

Впрочем, важно учитывать все импликации таких разъяснений: часто они влекут за собою существенное увеличение громоздкости каких-то других фрагментов грамматического описания. Это касается, в частности, ряда случаев супплетивизма (выбор между словоформами *лет* и *годов* в качестве формы род. мн. слова *год*, распределение основ

люд- и *человек-* в качестве основ форм мн. числа слова *человек* и др.). Кроме того, есть еще целый ряд случаев, когда попытка посредством разъяснений сохранить имеющееся описание (которое не учитывало взаимодействия разных областей грамматики), приводит к крайней неестественности грамматических правил.

М.В. Шульга

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

shoulga@mail.ru

Между существительным и числительным: *сто* и названия сотен

В докладе реализуется подход к вариантности форм имени числительного с позиций системы. Вопреки лингвистической традиции, формирование имени числительного рассматривается как грамматический процесс, актуальный для современной системы языка. На материале НКРЯ уточняются этапы морфологической унификации названий сотен: формирования двучленной парадигмы *ста – ста, полста – полуста, полтораста – полтораста*; адаптации дистрибутивных конструкций типа *по сту рублей, по пятисот рублей*. С позиций утраты категорий рода и числа описываются инновации типа *пятиста*; формирование особых количественных сочетаний без согласования. Выявляются активные этапы замены управления на согласование в непрямых падежах. Ставится вопрос о том, как может реагировать на изменения в системе нормативная описательная грамматика.

Современная история числительного *сто* в лингвистической научной традиции рассматривается как проявление тенденции к упрощению системы склонения. Из этого делается теоретический вывод об аналитических тенденциях в русском языке. Осуществленный системный подход выявляет, что переход существительного *сто* в числительные приводит к усложнению морфологической системы современного русского языка и обогащению ее грамматических средств. В этом процессе нет места для проявления аналитических тенденций.

Т.Е. Янко

Институт языкознания РАН, Москва

tanya_yanko@list.ru

Системность просодического уровня языка

Анализируется русская просодия как средство доступа к системе коммуникативных значений: темы, ремы, вопроса, контраста и дискурсивной незавершенности. Анализируются композиции коммуникативных значений в пределах одного предложения, такие, как, например, сообщение и дискурсивная незавершенность, вопрос, контраст и дискурсивная незавершенность и др. Показано, что просодические средства выражения сложных значений имеют системные композиционные средства выражения.

СЕКЦИЯ «Грамматические процессы и системы в диахронии»

О. Азам

École Normale Supérieure, Centre de Linguistique en Sorbonne
azamoam@club-internet.fr

Особенности выбора вида инфинитива, употребляемого в современном русском языке в функции древнерусского супина

На фоне обычного преобладания совершенного вида инфинитива для выражения цели — особенно после союза «чтобы» — обращает на себя внимание противоположная тенденция, когда инфинитив цели употребляется без союза как дополнение к глаголу передвижения, то есть в функции древнерусского супина. Здесь наблюдается явная склонность к употреблению несовершенного вида, особенно заметная, когда при введении в высказывание союза «чтобы» несовершенный вид инфинитива приходится заменить на совершенный вид.

- Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл **освободить** крестьян от крепостного права. [М. Задорнов]
- ≠ Наполеон не просто шёл в Россию, он шёл, чтобы *освободить* крестьян от крепостного права.

После обзора выбора вида инфинитива после разных приставочных и простых глаголов передвижения мы покажем, что бóльшая совместимость инфинитива с несовершенным видом объясняется как особой, узкой связью между глаголом передвижения с инфинитивом в супинальном употреблении, так и особым типом цели, который выражает этот инфинитив. В отличие от остальных инфинитивов цели инфинитив в функции супина выражает цель лишь вторично, через выражение места назначения, делая из назначения целью перемещения.

А. С. Алексеева

НИУ ВШЭ, Москва
alevtina.sergeevna@gmail.com

Грамматика рукописных заговоров XVII в.

Древнерусские книжники, согласно теории В.М. Живова, усваивают языковой опыт предшественников в рамках коммуникативных ситуаций, соотносимых с набором языковых регистров, сформировавшихся в результате эволюции книжной и некнижной письменности средневековой Руси. В настоящее время остается неизученным вопрос о языковом статусе древнерусских рукописных заговоров, распространенного жанра «отреченной» словесности. Исследование показало, что язык рукописных заговоров можно охарактеризовать как гибридный церковнославянский нестрогой ориентации, причем в некоторых случаях отмечены сдвиги в сторону других регистров: так, например, первая часть Олонецкого сборника первой пол. XVII в. отражает влияние со стороны приказного языка и деградацию гибридного регистра. Следование нормам книжной традиции свидетельствует об особом отношении книжников к рукописным заговорам, которые встраиваются в систему

гибридных текстов – таких, как, например, летописи. Немногочисленные инструкции, сопровождающие заговоры, и записи обрядов, напротив, приближаются к бытовым текстам.

Т. И. Афанасьева
СПбГУ, Санкт-Петербург
t.i.afanasyeva@gmail.com

Особенности употребления причастий в славянских переводах "Константинова дара" XIV-XV вв.

В докладе будут рассмотрены два славяно-русских перевода «Константинова дара», выполненные в разных книжных центрах Древней Руси: в Москве при митрополите Киприане (кон. XIV в.) и на юго-западе в середине XV в. Старший перевод содержит гораздо больше инноваций, чем младший, выполненный более традиционно. В области употребления причастий в старшем переводе прослеживаются процессы, связанные с живыми явлениями языка Московской Руси.

Сандра Бирцер
Universität Bamberg
sandra.birzer@uni-bamberg.de

Способы оформления косвенной речи в истории русского и польского языков

На основе данных из исторических корпусов польского языка PolDi и KorBa и старорусского подкорпуса НКРЯ сравниваются способы оформления косвенной речи в истории русского и польского языков. При анализе учитываются следующие факторы:

- 1) семантические подклассы глаголов говорения, в том числе глаголы с объектным контролем типа *приказати*;
- 2) синтаксическая реализация актанта с семантической ролью содержания, в том числе *accusativus cum infinitivo*, комплемент в виде придаточной клаузы и инфинитив.

М. А. Бобрик
НИУ ВШЭ, Москва
marina.bobrik@online.de

Грамматические таблицы А.А. Зализняка как инструмент понимания русской языковой эволюции

В архиве А.А. Зализняка в папке «Древнерусский язык» хранятся грамматические таблицы древнерусского языка, которыми А.А. (по меньшей мере, с начала 1990-х годов) пользовался в преподавании. Таблиц три – субстантивное склонение, местоименное и адъективное склонение, спряжение; их основное наполнение составляет материал языка, который Зализняк называл «стандартным» древнерусским; варианты флексии отмечаются по трем идиомам, а именно: старославянский, русский извод церковнославянского языка, древненовгородский. Принципы компактного представления грамматики в этих таблицах – те же, что в таблицах современной русской морфологии в «Грамматическом словаре» (1977; 2003) и в таблицах в составе грамматического очерка «Древненовгородского диалекта» (1995; 2004). В докладе речь пойдет о некоторых отразившихся в этих таблицах взглядах

А.А. Зализняка на изучение истории языка и о важности всей серии его таблиц для понимания русской языковой эволюции как в теории, так и в преподавательской практике.

Элиас Бунатиру
Universität Bern
elias.bounatirou@issl.unibe.ch

Элементы книжного языка в языке берестяных грамот и их функция

В настоящем докладе рассматриваются функция и статус элементов книжного языка в корпусе берестяных грамот, т.е. в корпусе, для которого характерно использование как раз некнижных элементов. При этом обращается внимание на тот факт, что употребление некнижных языковых средств рядом с книжными в одном и том же тексте необязательно следует расценивать как ошибочное, как это нередко делается. Наоборот, следует считаться в еще большей степени с генетической гибридностью, с одновременным использованием элементов и восточнославянского, и южнославянского происхождения, и с тем, что генетические критерии даже в текстах, в которых преобладают некнижные элементы, недостаточно хорошо объясняют выбор языковых средств. Генетическая гибридность берестяных грамот проявляется очень рано также на уровне языковых формул, в использовании оборотов, заимствованных из книжных текстов. Примечательный пример в этой связи – употребление отвлеченного существительного с притяжательным местоимением для экспрессивного обозначения лиц, типа *моя худость* в смысле ‚я‘. И в этом случае становится очевидно, как тесно связан генезис берестяной письменности с книжной, т.е. церковной письменностью.

И. В. Вернер
ИСл РАН
inna.verner@mail.ru

Средства грамматического параллелизма в церковнославянских переводах Псалтыри XI-XVI вв.

Будучи метрически организованным поэтическим текстом, Псалтырь строится по принципу содержательного и формального параллелизма как в еврейском тексте, так и в греческом и церковнославянском переводах. В докладе на материале разновременных славянских переводов (от Синайской Псалтыри до Псалтыри Максима Грека) будут рассмотрены случаи уподобления/расподобления грамматических форм в параллельных структурах текста. Возникающая при расподоблении вариативность носит не генетический (южнославянские/восточнославянские формы) и не функциональный характер (книжные/некнижные формы), но обусловленный структурой текста характер стилистического варьирования. В наибольшей степени такая стилистическая грамматическая вариативность, касающаяся различных форм (от присубстантивных Род. и Дат. падежей до аориста и перфекта 3 л.), присуща текстам XVI в. (Псалтырь Максима Грека).

Е. А. Галинская
МГУ, Москва
eagalinsk@mail.ru

Грамматическая вариативность в языке новгородской деловой письменности конца XVI века

В докладе рассматриваются некоторые вариативные морфологические и синтаксические явления, находившиеся за пределами нормы приказного языка, которые отразились в двух рукописях новгородского происхождения (РГАДА, ф. 1144 оп. 1, № 1 «Книга записная кабалам на холопей» и № 4 «Книга кабальная записей на разных лиц» 1597–1598 гг.). Они представляют собой один документ, учтенный в РГАДА в виде двух самостоятельно существующих единиц хранения, которые были оформлены по отдельным переплетам еще в конце XIX века. Пример морфологической вариативности: сосуществование именных и местоименных окончаний в склонении притяжательных прилагательных. Пример синтаксической вариативности: конструкции с координируемым и некоординируемым причастием при форме именительного падежа существительных. Анализ вариативных форм позволяет проследить процесс видоизменения и становления тех или иных элементов грамматической системы новгородского диалекта.

А. А. Гиппиус
ИСл РАН, НИУ ВШЭ, Москва
agippius@mail.ru

К морфологии неличных местоимений и местоименных наречий в древнерусском языке

На основе новых данных, почерпнутых из эпиграфических источников, в докладе предлагается несколько уточнений к описанию словоизменения неличных местоимений в древненовгородском диалекте. В центре внимания будут древние формы номинатива местоимений 'кто' и 'что' и их фонетические континуанты, а также соотношение вариантов местоименных наречий типа 'тогда'.

С.В. Дьяченко
ИРЯ РАН, Москва
svet-lan-a@list.ru
Е. Г. Жидкова
ИРЯ РАН, ГГГУ, Москва
zhidkova_elenas@mail.ru
А.В. Тер-Аванесова
ИРЯ РАН, Москва
teravan@mail.ru

Перфектные конструкции в опочецких говорах

В докладе рассматривается образование форм перфекта в говорах окрестностей г. Опочки Псковской обл., в частности, такая диалектологически значимая их особенность: строгая зависимость залога причастия прош. времени в составе перфектных форм от переходности глагола (*Он ушодчи (уйти, неперех.)*; *Он оставши (остаться, неперех.)*; *У него оставлено*

(*оставить*, перех.). Подчеркивается семантическое разнообразие глаголов, от которых в говоре возможно образование форм перфекта. Как правило, перфектные формы образуются от глаголов совершенного вида, но есть исключения. Перфектные конструкции охарактеризованы по следующим параметрам: синтаксическое подлежащее и способы его выражения; падежное маркирование субъекта и объекта; глагол-связка *быть*, его формы наст. и прош. времени, сослагательного наклонения, согласование с каноническим и неканоническим подлежащим, формы связки в конструкциях без подлежащего; формы причастий и их согласование с подлежащим, формы причастий в конструкциях без подлежащего. Коротко охарактеризовано употребление причастий прош. времени не в перфектных конструкциях.

О. Ф. Жолобов

Казанский федеральный университет
oloz@rambler.ru

Диагностические формы претеритов в Толстовском сборнике XIII в.

Диагностические единицы – лексические, морфологические, фонетические русизмы – играют важную роль в исторической русистике. Не менее значимы также конфигурации распределения в древнерусских источниках таких диагностических форм претеритов, как простой и сигматический аорист от инфинитивных основ на согласный, аорист с добавочным окончанием *-ть*, простые претериты 2-го л. ед. ч., имперфект с первичными окончаниями в 3 л. ед. и мн. ч., имперфект совершенного вида, перфект 3 л. с нулевой и ненулевой связкой. Такой мегатекст, как Толстовский сборник XIII в., представляет объемный диахронический срез универсальной грамматики, включающей, наряду с глубокими архаизмами, модернистские проявления – образования, современные созданию памятника. Внутри мегатекста диагностические формы претеритов распределены чрезвычайно неоднородно. Причины этого коренятся в генетической и дискурсивной разнородности текстов, характере их внутренней структурированности, а также глубиной языкового горизонта авторов или переводчиков.

С. И. Иорданиди

ИРЯ РАН, Москва
siordanidi@yandex.ru

К истории русского *nom.pl.* на *-á* в словах несреднего рода

Доклад построен на основе статьи («Из истории форм существительных именительного множественного на *-á* в русском языке»), опубликованной автором довольно давно, но новые наблюдения и факты оправдывают еще одно обращение к названной теме. Толчком к работе над становлением и развитием номинативных плюральных форм послужила статья А. А. Зализняка, опубликованная в журнале «Русский язык в научном освещении» (2018/1), в третьей части которой исследован названный сюжет («Вопрос об Им.мн. несреднего рода на *-á*», с. 21 – 30). В нашем докладе обсуждаются такие вопросы, как: 1) генезис исследуемых форм; 2) структурная и акцентная характеристика слов, усвоивших новую флексию на первых этапах ее существования; 3) распространение форм на *-á* на протяжении истории языка (с вниманием к их хронологической и территориальной отнесенности). Вопрос о происхождении рассматриваемых форм, сложный и, на наш взгляд, дискуссионный, все еще требует пересмотра роли различных факторов в становлении и развитии *nom. pl.* несреднего рода на *-á*.

А. М. Кузнецов
Даугавпилский университет
anatolijs.kuznecovs@du.lv

Употребление указательных местоимений *сь, ть, онь* в субстантивной функции в Зографском евангелии

Указательные местоимения *сь, ть, онь* нормально выполняют собственно указательную функцию в присубстантивной позиции в ситуации диалога. Занимая место существительного, они получают одновременно с указательной и функцию местоимения третьего лица. В Зографском евангелии дейксис не определяется связью с личными местоимениями: местоимение **сь** указывает на предмет, находящийся в центре внимания, а на отсутствующий предмет – все три местоимения, при этом они становятся анафорическими. То же наблюдается в нарративном режиме. Вытеснение Им.п. исконно анафорического местоимения *и* прошло в дописьменный период скорее всего для ликвидации омонимии, ср. сочетания с союзами *а сь, и ть, онь же* (**а и, *и и, *и же*). Местоимение *онь* сокращало сферу своего употребления как в присубстантивной позиции (*на онь поль*), так и в субстантивной роли, где продолжало использоваться только в случаях сопоставления: *сьниде сь въ домъ свои оправданъ паче оного*.

А. Ф. Литвина
ИСл РАН, НИУ ВШЭ, Москва
alitvina@hse.ru
Ф.Б. Успенский
ИСл РАН, Москва
fjodor.uspenskiy@gmail.com

Грамматика и ономастика: Кто были ктиторы псковской церкви Жен Мироносиц в XVI в.?

Доклад посвящен анализу свидетельства из 1-й Псковской летописи под 1546/7054 г. о церковном строительстве, предпринимаемом постепенно осваивающимися во Пскове переселенцами (ПСРЛ. Т. V. Ч. 1. М., 2003. С. 112). В свое время Вл. В. Седов, отмечая это летописное известие, счел, что заказчиков было трое: Богдан Ковырин, Григорий Иванович Титов и Кирилл Мыльник. Однако в работе исследователя оговаривалось, что такое прочтение можно принять лишь в том случае, если мы допускаем, что летописная запись в известном смысле дефектна, отличается явным аграмматизмом. В своем выступлении мы попытаемся показать, что искомая — не построенная на том, что летописец допустил грамматическую ошибку, — интерпретация текста возможна, если мы примем в расчет такой феномен, как светская христианская двуименность.

И. И. Макеева
ИРЯ РАН, Москва
irinamakeeva2007@mail.ru

Порядок слов в сочетании "личная форма глагола + прямое дополнение" в риторических произведениях Кирилла Туровского

В риторических произведениях Кирилла Туровского в целом незначительно преобладает порядок *личная форма глагола + прямое дополнение*. Обратный порядок зависит от целого ряда факторов. Обнаруживается определенное соответствие между порядком слов в этих сочетаниях и расположением атрибута в именных группах.

А. В. Малышева
ИРЯ РАН, Москва
annamalys@mail.ru

Р. В. Ронько
ИРЯ РАН, Москва
rronko@mail.ru

Дифференцированное маркирование объекта в севернорусских диалектах

В докладе будет рассмотрено дифференцированное маркирование объекта в севернорусских говорах, которое авторы интерпретируют как черту циркумбалтийского ареала. Предполагается проанализировать три явления: варьирование номинатива объекта и аккузатива (*косить траву/косить трава*), объектного генитива и аккузатива (*косить травы/косить траву*), а также количественное соотношение аккузатива и генитива при глаголе с отрицанием (*не косил траву/не косил травы*) в сравнении с литературным языком и говорами южного наречия и среднерусскими.

Е. А. Мишина
ИРЯ РАН, Москва
kmishina@mail.ru

Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке

В докладе будут представлены наблюдения о связи отрицания и глагольного вида в древнерусском языке. Отрицание оказывается фактором, могущим влиять на выбор совершенного или несовершенного вида в ряде контекстов. Такое влияние затрагивает в древнерусских памятниках формы презенса, имперфекта, аориста, действительных причастий настоящего и прошедшего времени, императива. В частности, в некоторых случаях отрицание может нивелировать противоречия, возникающие между значением вида и значением времени, чем обуславливается нестандартное функционирование ряда видо-временных форм.

А. М. Молдован
Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, Москва
alexandr.moldovan@gmail.com

Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности

История связки настоящего времени в глагольных и именных конструкциях описывается как процесс ее постепенной утраты в живом древнерусском языке на протяжении XI–XVII вв. в связи с перестройкой субъектной референциальной модели и переходом от исключительно аффиксального маркирования субъекта к регулярному употреблению личных местоимений. При этом отмечается широкий диапазон варьирования форм связки *1 л. мн. ч.* в памятниках разных жанров, представленных написаниями есмъ, есмы, есмь, еси, есмо, есме, есма. Употребление этих форм определялось разнообразными факторами, действовавшими на разных этапах истории письменности. Особый интерес представляет форма есма, отсутствующая в других славянских языках, которая получила широкое распространение в русской деловой письменности и гибридных разновидностях книжного языка XIV–XVII вв.

Е. А. Мольков
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
georgiymolkov@gmail.com

Морфологическая адаптация заимствованных прилагательных в трактатах А. П. Ганнибала по геометрии и фортификации

Яркой особенностью трактатов А. П. Ганнибала является большое количество галлицизмов в языке автора, в том числе прилагательных, основная часть которых используется в неизменяемом виде. В докладе рассматривается ряд особенностей функционирования неизменяемых прилагательных у Ганнибала: наличие в некоторых случаях русских склоняемых эквивалентов к ним, попытки морфологической адаптации отдельных лексем, случаи омонимии неизменяемых адъективов и субстантивов. Оценивается возможная роль этих ранних примеров в более поздней активизации категории неизменяемых прилагательных в русском языке.

М. О. Новак
Казанский федеральный университет
mariaonovak@gmail.com

Формы именного склонения в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39)

В докладе обсуждается соотношение архаизмов и инноваций в кругу имен существительных, зафиксированное в Толстовском Сборнике XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39). Источник изучается в рамках проекта, предусматривающего многоуровневое исследование и создание электронной машиночитаемой копии памятника, с последующим размещением на портале «Манускрипт» (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=73>). Рассматриваются случаи сохранения архаичного согласования существительных мужского рода на -а по женскому роду, отражения категории одушевленности, а также варьирование деklinационных форм у существительных с основами на *jā-, *ŭ-, *s-. Обсуждаются

отдельные нетривиальные формы. Делается вывод о преобладании архаичных показателей склонения, при отдельных свидетельствах аналогического взаимодействия типов основ.

Т. В. Пентковская
МГУ, Москва
tatiana.pentkovskaya@gmail.com

Конструкции с местоимением *который* и повтором существительного в церковнославянских переводах с польского XVII в.

В докладе будет рассмотрен генезис конструкций с местоимением *который* и повтором существительного в церковнославянских переводах с польского языка позднего периода на фоне истории употребления аналогичных конструкций в польском языке. Появление данных конструкций в переводах не обусловлено напрямую влиянием деловых текстов, скорее это воспроизведение синтаксических особенностей польского оригинала, в котором статус подобных конструкций не может расцениваться однозначно как не книжный.

Я. А. Пенькова
ИРЯ РАН, НИУ ВШЭ, Москва
amoena@inbox.ru

***Учю, стану, буду*: конкуренция конструкций с референцией к будущему в русском языке XV-XVII вв.**

В докладе предпринимается попытка описать функционирующие в среднерусский период (XV–XVII вв.) перифразы с референцией к будущему как систему конструкций и проследить ее эволюцию на протяжении этого периода. Исследование выполнено на материале старорусского корпуса НКРЯ, что позволило выявить различия в функционировании конструкций с референцией к будущему, которые невозможно обнаружить традиционными филологическими методами. Показано, что ни одну из рассматриваемых конструкций (*иму + инфинитив, начьну/почьну + инфинитив, учьну + инфинитив, стану + инфинитив, буду + инфинитив*) в русском языке XV–XVII вв., вопреки традиционному мнению, нельзя признать аналитическим будущим глаголом несовершенного вида. Установлено также, что наиболее частотной в старорусских памятниках была перифраза *учю + инфинитив*, которая хронологически сменяет конструкции с *иму*. Однако эту конструкцию можно признать формой аналитического будущего только для неассертивных контекстов.

П. В. Петрухин
ИРЯ РАН, Москва
ppetrukhin@gmail.com

Бытовая графическая система берестяных грамот в свете истории и типологии письменных систем

Бытовая графическая система – такая система, в рамках которой допускается мена букв *ь/е/ѣ, ъ/о*, а также *ц/ч*. А. А. Зализняк показал, что для значительной части берестяных грамот данная мена букв является нормой. В то же время для множества берестяных грамот, написанных таким образом, в той или мере характерен «эффект скандирования», т. е. присутствие «вставных» гласных – либо «неэтимологических», либо отсутствующих в языке

данного периода; в грамотах, написанных «по-книжному», скандирование, как правило, не встречается. В докладе речь пойдет о взаимосвязи этих двух явлений и о том, можно ли найти им аналоги в мировой истории письма.

А. А. Пичхадзе
ИРЯ РАН, Млсква
rusyaz@yandex.ru

Отрицание при составном сказуемом в древнерусском языке

В древнерусском языке отрицание *не* при составном сказуемом может помещаться непосредственно перед связкой или перед смысловой частью сказуемого. В древнерусских летописях решительно преобладает вторая из указанных позиций. Положение отрицания перед связкой обычно обусловлено действием двух факторов. Оно обычно, во-первых, при противопоставлении однородных аргументов сказуемого, во-вторых – в случаях, когда смысловая часть сказуемого выражена существительным, местоимением или предложно-падежной группой.

И. А. Подтергера
Universität Heidelberg
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

Относительные предложения в переводах с латинского языка XVI века

Цель доклада – показать, какое значение для „европеизации“ русского синтаксиса имели переводы с латинского языка, выполненные в конце XV – первой трети XVI в. Особенное внимание уделяется при этом относительным предложениям с местоимением *который*, поскольку постпозитивные относительные придаточные со склоняемым местоимением входят в число характерных особенностей языков так называемого средневропейского стандарта (*Standard Average European* или *SAE*). При этом считается, что в западноевропейских стандартных языках относительные предложения современного типа развились под влиянием латинского языка.

В первой части доклада обсуждаются существующие на сегодняшний день гипотезы о происхождении общеевропейских относительных предложений в русском языке (А. Исаченко, Г. Хюттль-Фольтер, В. Живов, Р. Майер). Далее предлагается анализ постпозитивных относительных придаточных с местоимением *который* в переводах Геннадиевской Библии, в русской версии трактата Вильгельма Дюрана „*Rationale divinatorum officiorum*“ и в „Хорографии“ Помпония Мелы. Полученные данные позволяют рассматривать историю относительных предложений в русском языке в контексте общеевропейских тенденций развития синтаксиса раннего Нового времени. Этот тезис будет проиллюстрирован в заключительной части доклада.

О. Г. Ровнова
ИРЯ РАН, Москва
supilinn@mail.ru

Следы древнерусских энклитик в говоре старообрядцев Южной Америки

В докладе представлены наблюдения над функционированием обнаруженных в говоре южноамериканских старообрядцев-«харбинцев» дискурсивных слов, элементы которых восходят к древнерусским энклитикам *же, ти, ся (сь)*. Это частицы *жеть, дажеть,*

союзы *тожесть, такжесть, чтобыть, как будтося*, вводное слово *можеть*. Лингвогеографический анализ материала с помощью Русского диалектного гизауруса подтверждает мнение Л. Л. Касаткина и других исследователей языка старообрядцев зарубежья о том, что их говоры сохраняют древние языковые черты, утраченные говорами метрополии.

Доклад подготовлен в рамках проекта «"Испоконный язык неисковерканный". Словарь говора старообрядцев Южной Америки», поддержанного грантом РФФИ № 17-04-00566-ОГН.

Д. В. Сичинава
ИРЯ РАН, Москва
mitrius@gmail.com

Глагольное время, арест и суд в Новгороде: к интерпретации некоторых берестяных грамот

С момента выхода первого издания "Древненовгородского диалекта" (1995) корпус форм плюсквамперфекта в берестяных грамотах не пополнялся. Однако исходя из того, что известно о древнерусских формах и их славянских параллелях, можно сделать новые выводы и предложить новые толкования для соответствующих форм на бересте (многие из которых встречаются в юридических или близких к такому статусу текстах и, возможно, несут перформативный характер, выявленный на ином материале П. В. Петрухиным).

А. В. Тер-Аванесова
ИРЯ РАН, Москва
teravan@mail.ru

О русских диалектных формах плюсквамперфекта в аспекте лингвогеографии

Доклад посвящен различиям в употреблении форм, восходящих к русскому плюсквамперфекту, в нескольких современных русских говорах: архангельских (лешуконских и верхнетоемских – по работам С. К. Пожарицкой), муромских (сс. Пустоша Шатурского р-на и Татарово Муромского р-на), опочецких (говоров на р. Исса – по работам В.Н. Чекмонаса и Н.А. Морозовой, говоров на р. Великой – по собственным записям), липецкому говору с. Малинино, белгородскому говору с. Роговатое. Так, муромские говоры выделяются среди прочих преобладанием употреблений форм плюсквамперфекта в антитезисном значении, а также преобладанием форм с неизменяемой связкой. Муромско-рязанский ареал характеризуется употреблением рассматриваемых форм в проксимативном значении.

Витторио Томеллери
Università degli Studi di Macerata
vittorio.tomelleri@unimc.it

Филологические проблемы и лингвистическая интерпретация Цицероновых парадоксов в переводе А. М. Курбского

В третьем послании князя Андрея Михайловича Курбского царю Ивану Грозному, датированном 1579-м годом, имеется чрезвычайно любопытный перевод двух Цицероновых Парадоксов стоиков. Славянский текст представляет собой дословную передачу латинского подлинника, точно, но не всегда верно, отражая его порядок слов.

В докладе предпринимается попытка на основе конкретных примеров выявить некоторые проблемы филологического и лингвистического характера, связанные с пока еще довольно загадочной историей возникновения и распространения этих переводов на Руси.

М. Н. Шевелева
МГУ, Москва
mnsheveleva@mail.ru

О глаголе *имѣти* в древнерусском языке и проблеме формирования сложного будущего времени

В докладе рассматривается вопрос о взаимосвязи статуса глагола *имѣти* в восточнославянской диалектной зоне древнерусской эпохи и судьбы инфинитивных конструкций *имамь-* vs. *иму* + инфинитив. Показано, что для не книжного древнерусского языка употребление *имѣти* в значении 'обладать' было нехарактерно – использовалась посессивная конструкция *оу* + Р.п. Соответственно, и инфинитивные обороты типа *имамь* + инфинитив, модальное значение которых базируется на значении обладания глагола *имѣти*, отсутствовали в живом употреблении и потому не получили в восточнославянских диалектах развития по пути грамматикализации в будущее время. Конструкции *иму* + инфинитив, активизировавшиеся с XIII в., в живом употреблении, несомненно, были, как и сам глагол *яти* 'взять'; их значение развивается на базе значения 'взять' и имеет в фокусе семантический компонент наступления новой ситуации. В значительной части восточнославянских диалектов именно эти конструкции грамматикализуются впоследствии в будущее время.

И.С. Юрьева
ИРЯ РАН, Москва
iriwonok@yandex.ru

Есть ли разница между *начати* и *почати* в перифрастических конструкциях?

В докладе рассматривается соотношение инфинитивных конструкций с глаголами *начати* и *почати* в переводных и оригинальных древнерусских текстах разных жанров, различия в употреблении этих глаголов между формами «сложного будущего» и «сложного прошедшего», а также анализируются особенности инфинитивов, способных образовывать сочетания с каждым из двух синонимичных фазовых глаголов.

Hakyung Jung
Seoul National University
hakyungj@gmail.com

On the BE-auxiliary's morphosyntactic status and its loss in Old North Russian

This paper examines the categorial status of the present tense forms of the *be*-auxiliary '*byti*' (AUX) in Old North Russian (ONR) and explores why they were lost only in East Slavic and not in West and South Slavic. Departing from existing analyses of the ONR AUX as a second position enclitic (e.g. Zalianjak 2004, 2008), I instead argue that AUX is not a full-fledged clitic, but rather occupies an intermediate position as a weak pronoun, based on its prosodic, morphological, and syntactic properties. Historical evidence from Old Bulgarian confirms a correlation between the synchronic pronoun hierarchy and the grammaticalization process of the *be*-auxiliary, which demonstrates that ONR auxiliary forms did not gain full cliticity.